

МИРЪ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
СБОРНИКЪ**

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Книга 3-я.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

КЪ СВѢДѢНІЮ гг. АВТОРОВЪ.

Рукописи, присылаемая въ редакцію, должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа. На рукописи должны быть обозначены фамилія, адресъ автора и условія оплаты. При переводахъ необходимо прилагать оригиналъ. Авторы и переводчики благоволятъ оставлять у себя копіи своихъ произведеній, такъ какъ отвѣтственности за сохранность рукописей редакція ни въ какомъ случаѣ на себя не принимаетъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ДОБРОЕ ДѢЛО. Разсказъ <i>Вадима Бѣлова</i>	5
СЛОВО БОРДЖІА. Разсказъ <i>Рафаэля Сабатини</i> (съ 3 рис.).	21
ДЖЕКОВЪ КОТЕЛЪ. Разсказъ <i>М. Ватсонъ</i> (съ 2 рис.).	47
РѢШЕНІЕ БИЛЯ. Разсказъ <i>У. Макъ Нетта</i> (съ рис.)	73
ВОРОНАЯ. Разсказъ <i>Н. Уильямса</i> (съ 4 рис.).	95
СОБАКИ ЕГО СВѢТЛОСТИ. Разсказъ <i>Х. М. Шарпа</i> (съ рис.).	109
КАЛЕЙДОСКОПЪ «МІРА ПРИКЛЮЧЕНІЙ» (съ 3 рис.).	127

ДОБРОЕ ДѢЛО

РАЗСКАЗЪ
ВАДИМА БѢЛОВА.

ШХУНА остановилась неподвижно среди туманной и сырой мглы; обезвѣтренные паруса ея намокли, затвердѣли и стали черными.

Юсти разбудилъ капитана, какъ только выяснилось, что плыть дальше нельзя и придется выжидать вѣтра. Капитанъ Кирианенъ вылезъ изъ узкаго люка, еще заспанный, натягивая на плечи топорщащуюся куртку.

И, когда, оглянувъ быстрымъ и привычнымъ взглядомъ моряка паруса, небо и море, онъ безъ словъ понялъ, въ чемъ дѣло,—лицо его стало суровымъ и озабоченнымъ.

Эта задержка вовсе не входила въ расчеты капитана Кирианена; онъ спѣшилъ къ рыбному мѣсту, къ двѣнадцати-футовой банкѣ гдѣ, —онъ хорошо это зналъ,—въ это время года можно было имѣть обильный уловъ плотвы и камбалы.

— Плохо дѣло, Юсти,—сказалъ онъ застегивая зюйдъ-вестку,—мы можемъ застрять въ морѣ сутокъ на двое, а тѣмъ временемъ «Война» и «Анна-Марія» будутъ уже тамъ.

Это были неуклюжіе тяжелые лайбы, снабженные паровыми двигателями, помѣщавшимися на самой кормѣ, что дѣлало эти суда на видъ еще неуклюжѣе и нелѣпѣе. Но, хотя ихъ паровые машины и были слабосильные и изношенные, купленные по случаю въ одномъ изъ шведскихъ портовъ,—они могли дать «Войнѣ» и «Аннѣ-Маріи» возможность въ полный штиль придти на 12-футовую банку и забросить сѣти на самыхъ удобныхъ мѣстахъ.

Кирианенъ нахмурился и пошелъ на носъ шхуны. Онъ присѣлъ на якорный кабестанъ и тѣмъ же пытливымъ взглядомъ продолжалъ смотрѣть въ задернутую вуалемъ дождя даль.

Юнга Юсти, голубоглазый бѣлокурый мальчуганъ, остался позади. Онъ тоже предпочелъ бы этой невольной остановкѣ быстрый бѣгъ накрененной шхуны, наполненные вѣтромъ паруса и однообразный пѣвучій шумъ воды у бортовъ.

Въ дни переходовъ оба матроса «Феніи» бывали наверху, и Юсти могъ лежать, сколько ему было угодно въ своей койкѣ, подвѣшенной подъ скрипучіе и черные палубные бимсы. Сегодня же наразсвѣтъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ,—едва застлало, оба матроса завалились спать, приказавъ Юсти «стеречь погоду».

Но вдругъ капитанъ всталъ, выпрямился и сдѣлалъ шагъ къ самому борту. Минуту длилось молчаніе. Потомъ Кирианенъ, не оборачиваясь, окликнулъ юнгу:

— Эй, Юсти, подойди сюда... Смотри, малышъ...—Онъ повернулъ юнгу за плечи,—видишь ты тамъ что-нибудь... Лѣвѣе, еще... да, да... У тебя глаза молодые и должны быть острѣе!

Юнга всмотрѣлся. На сѣромъ неподвижномъ фонѣ воды,—близко ли, далеко ли, трудно было сказать,—что-то чернѣло.

— Какіе-то пятнышки, капитанъ..

— Сколько?

— Три... четыре...

— Это не люди, Юсти?..

— Не знаю, капитанъ...

Кирианенъ совсѣмъ наклонился впередъ.

— Бѣги, малышъ, принеси изъ каюты бинокль...

А, пока юнга бѣгалъ за биноклемъ,— капитанъ не отрывалъ глазъ отъ чернѣвшихъ вдаль на водѣ точекъ...

Капитану достаточно было лишь поднести бинокль къ глазамъ.

— Это люди, Юсти,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Разбуди Акселя и Рудакова...

Черезъ минуту оба матроса уже были на палубѣ. Аксель—стройный бѣлокурый финнъ съ твердыми чертами узкаго лица, и Рудаковъ—олоонецъ, большой, нескладный и очень сильный.

— И вѣрно, люди...

— Мнѣ кажется, ихъ четверо...

— Нѣтъ, больше... пока трудно считать.

— Что же будешь дѣлать, капитанъ? Вѣтеръ упалъ.

— Спустимъ лодку,—коротко отвѣтилъ Кирианенъ,—мы ихъ спасемъ...

Рудаковъ молча полѣзъ на корму, гдѣ была подвѣшена лодка.

— Ихъ можетъ быть больше, чѣмъ мы думали. Лодка всѣхъ не подниметъ. Пусть ѣдетъ одинъ Рудаковъ,—распоряжался капитанъ.

Безшумно разрѣзая неподвижную массу сѣрой воды, лодка, съ темной фигурой матроса на веслахъ, медленно отдѣлялась отъ борта.

Не отрываясь отъ гребни, Рудаковъ раза два вскидывалъ глаза на шхуну, казавшуюся теперь, при блѣдномъ свѣтѣ спрятаннаго въ туманъ солнца, изящнѣе, воздушнѣе, — и на четыре силуэта моряковъ, столпившихся въ ожиданіи у борта на кормѣ.

II.

Шестеро мокрыхъ, измученныхъ и трясущихся отъ холода и волненія людей сидѣли сбившись въ кучу прямо на палубѣ «Феніи» около люка кухни, изъ котораго тянулася струя теплаго воздуха.

Аксель, Рудаковъ, Юсти и поваръ собрали все, что могли, чтобы переодѣть спасенныхъ въ сухое платье. Но тѣ не спѣшили: они наслаждались безопасностью, покоемъ и теплотой, струившейся изъ люка.

Кирианенъ стоялъ въ сторонѣ и, не выпуская изъ рта трубку, съ улыбкой смотрѣлъ на тянувшихся къ теплу моряковъ. Онъ уже зналъ по костюмамъ, что спасенные были нѣмцы, матросы съ какого-нибудь погибшаго германскаго военнаго судна. Но эта мысль его не тревожила и не заставляла задумываться. Капитанъ много лѣтъ плавалъ по морямъ и зналъ, что всѣ люди въ морѣ прежде всего люди. На сушѣ — другое дѣло; тамъ есть враги и друзья, но передъ лицомъ грозной водной стихіи всѣ только люди.

Въ тотъ же вечеръ, когда Юсти сообщилъ капитану, что спасенные нѣмцы переодѣты, высушены, накормлены и успѣли выпасться, Кирианенъ приказалъ позвать къ себѣ старшаго изъ нихъ.

— Скажи Акселю, онъ знаетъ нѣмецкій языкъ, пусть спроситъ ихъ.

И въ ту минуту, когда Юсти уже повернулся, чтобы выйти изъ каюты, онъ снова его окликнулъ:

— А какъ погода? Не поднимается ли вѣтеръ?

— Тихо, капитанъ.

Кирианенъ нахмурился...

— Хорошо. Позови нѣмца.

Пока Юсти ходилъ за нѣмцами, капитанъ сидѣлъ сумрачный и озадаченный.

«Если такъ будетъ продолжаться—я потеряю весь уловъ»... Ему живо представилась двѣнадцати футовая банка, на которой въ самыхъ рыбныхъ мѣстахъ расположились ненавистныя «Война» и «Анна-Марія».

Старшій изъ спасенныхъ нѣмцевъ спустился по трапу съ ловкостью, обличавшей въ немъ опытнаго моряка. На немъ была чья-та чужая фуфайка, обтягивающая плотно его могучую грудь, а шапку, высушенную и расправ-

ленную тщательно, морскую шапку, съ золотыми буквами на ленточкѣ онъ снялъ еще наверху у люка.

— Здравствуйте, другъ мой,—любезно привѣтствовалъ его капитанъ. «Феніа» часто заходила въ Ригу и на острова, а потому Кирианенъ кое-какъ объяснился по-нѣмецки.

— Вамъ положительно повезло, что я зашилѣвалъ въ этой полосѣ, иначе врядъ ли мы замѣтили бы, какъ вы кувыркались въ водѣ съ вашими пріятелями. Но почему же вы не сердитесь?.. У меня нѣтъ сигаръ,—мы давно не были въ Ригѣ,—но трубку я могу вамъ предложить. Не плохой табакъ. Мой пріятель Лайвасть—немного контрабандистъ и привозить изъ Гапаранды. Впрочемъ—къ дѣлу...

Капитанъ протянулъ нѣмцу спичку и, когда оба закурили, продолжалъ:

— Вы, конечно, знаете, пріятель, что этотъ корабль—финляндскій рыболовный бригъ «Феніа». Надо вамъ сказать, что мы случайно зашилѣвали въ этой полосѣ, но путь нашъ...

Нѣмецъ перебилъ Кирианена. Посмотрѣлъ на него внимательно, точно впервые замѣтилъ его присутствіе и не слышалъ всего, что тотъ говорилъ раньше.

— Откуда плывете, капитанъ?..

— Изъ Або. Но видите ли...

Однако, нѣмецъ снова не далъ Кирианену договорить:

— И куда вы держите курсъ?..

— Я вамъ уже говорю, что мы вышли на рыбную ловлю...

— Далеко отсюда?

— Миль шестьдесятъ.

— Къ какому берегу?

— Къ Аландскимъ островамъ. Чортъ возьми! Штиль не даетъ намъ двигаться.

Нѣмецъ пустилъ синій клубъ дыма. Онъ былъ озабоченъ какой-то тайной мыслью.

— Послушайте, — спросилъ онъ послѣ минутной паузы,—что же вы думаете дѣлать дальше?

— О,—капитанъ улыбнулся,—дальше я буду дѣлать то, что и предполагалъ

дѣлать. Если Богъ пошлетъ хорошаго вѣтра, мы поплывемъ на двѣнадцати-футовую банку, сдѣлаемъ хорошій уловъ и возвратимся въ Або.

— А какъ же мы, я и мои товарищи?

Кирианенъ улыбнулся.

— Что касается до васъ, то вы можете быть покойны: вы будете от лично кушать, удобно спать и курить, табакъ моего пріятеля Лайваста, если согласитесь помочь намъ въ ловлѣ. Васъ шесть человѣкъ да четверо насъ—итого десять... Мы можемъ справиться въ одну недѣлю...

— Какъ въ одну недѣлю?

— Ну да... Вчетверомъ мы работаемъ двѣ недѣли, а съ вами мы справимся и въ одну.

Нѣмецъ положилъ трубку на столъ и протяжно свистнулъ.

— Такъ вы думаете продержатъ насъ на вашей лайбѣ цѣлую недѣлю, а потомъ передать русскимъ властямъ.

Кирианенъ пожалъ плечами:

— Рыба ждать не будетъ. Теперь время ловить...

Онъ хотѣлъ добавить еще что-то, но нѣмецъ перебилъ его.

— Послушайте, капитанъ, намъ не по пути плыть съ вами, и высаживаться на русскій берегъ мы не хотимъ. Сдѣлайте распоряженіе измѣнить курсъ, посадите насъ на германскій берегъ, и правительство кайзера заплатитъ вамъ за потерянный уловъ...

Капитанъ отрицательно покачалъ головой:

— Мой курсъ—двѣнадцати-футовая банка. Денегъ кайзера мнѣ не надо. Я—рыбакъ, а вы мой плѣнникъ...

Нѣмецъ подошелъ къ столу вплотную.

— Капитанъ, насъ шестеро, а васъ четверо; мальчишка не въ счетъ. Еще не извѣстно, кто можетъ оказаться чьимъ плѣнникомъ...

— Что же, попробуйте!—хладнокровно отвѣтилъ Кирианенъ.

Нѣмецъ отступилъ назадъ. Прямо въ лицо ему глядѣлъ черный глазъ револьвернаго дула.

Проворчавъ проклятье, онъ повернулся и, тяжело ступая, сталъ подниматься по трапу.

Капитанъ, послѣ его ухода, долго сидѣлъ, молчаливый и хмурый, погруженный въ свои думы. Тусклый свѣтъ масляннаго фонаря едва освѣщалъ середину каюты. Было тихо, но вдругъ капитанъ вздрогнулъ и прислушался.

Только ухо стараго моряка могло такъ быстро разгадать значеніе этихъ тихихъ, едва для слуха уловимыхъ звуковъ. Чуть поскрипывать начали бимсы старой «Феніи», и сквозь толстый бортъ донеслось журчаніе водяныхъ струй.

Люкъ съ шумомъ отворился, и кто-то крикнулъ громко и весело:

— Капитанъ! Шквалъ съ зюйдъ-оста!

Кирианенъ вздрогнулъ, улыбнулся и крикнулъ въ отвѣтъ:

— Слава Богу! Иду! Матросы, къ парусамъ...

III.

Юсти пришлось разстаться со своей койкой, такъ какъ на ней спалъ одинъ изъ спасенныхъ нѣмецкихъ матросовъ, и перебраться въ кухню къ повару, который, послѣ краткаго пререканія съ юнгой, разрѣшилъ ему спать въ ящикѣ для дровъ, куда на ночь постилался брезентъ.

Днемъ бригъ спалъ. Палуба была пуста, и только одинокій вахтенный дремалъ у основанія черной и голой фокъ-мачты. Изъ всѣхъ угловъ неся сонный храпъ и свистъ. Справа и слѣва на сѣрой глади спокойнаго холоднаго моря чернѣли такіе же неподвижные безмолвные силуэты «Войны» и «Анны-Маріи».

Когда же на прояснившемся къ вечеру небѣ всплывалъ тусклый бѣлый дискъ луны, и вдругъ все, и море и небо, и черные рыбацкіе суда, и люди, вылѣзшіе изъ люковъ, окуналось въ сказочный океанъ прозрачнаго и невѣрнаго серебрянаго свѣта,—банка вдругъ оживала.

Надъ тихой посеребренной водой неслись неясные, заглушенные проста-

ромъ моря звуки. То были голоса перекликающихся рыбаковъ, скрипъ блоковъ, плескъ воды и чья-то монотонная печальная пѣсня.

Нѣмецкіе матросы работать не желали. Аксель досадливо косился на лѣнивыя фигуры шестерыхъ молодцовъ, растянувшихся на палубѣ въ то время какъ они, трое, выбивались изъ силъ за работой. Рудаковъ, наименѣе сдержанный, ругался и грозилъ кулаками, а поваръ, наливая въ чашку супъ для нѣмцевъ моряковъ, старался положить какъ можно меньше гущи.

Съ каждымъ днемъ капитанъ дѣлался все мрачнѣе и раздражительнѣе. Его угнетало безсиліе.

Какъ-то утромъ въ концѣ первой недѣли старшій изъ нѣмцевъ разбудилъ Юсти, спавшаго въ своемъ дровяномъ ящикѣ.

— Что дѣлаетъ капитанъ?—спросилъ онъ не вынимая трубки изо рта.

— Вѣроятно, спитъ. Онъ всю ночь былъ на палубѣ.

— Разбуди его!

Юсти колебался. Онъ помнилъ строгое приказаніе Кирианена не будить его безъ особой надобности.

— Это невозможно...—началъ онъ было.

Если бы у нѣмца глаза не слѣлались вдругъ такими узкими и блестящими словно глаза тигра, юнга, быть можетъ, не оставилъ бы такъ рано своего теплаго ящика и не сталъ бы беспокоить капитана.

Нѣмецъ не дожидался, пока Юсти разбудить Кирианена; онъ вошелъ вслѣдъ за нимъ и опустился на тяжелый табуретъ стоявшій у круглаго стола.

— Это я, капитанъ. Мнѣ надо съ вами поговорить...

— Вы выбрали неудобное время,—холодно отвѣтилъ капитанъ, вылѣзая изъ-подъ одѣяла.—Я всю ночь не спалъ и, думаю, имѣю право отдыхать, когда хочу, на собственномъ бригѣ.

Нѣмецъ усмѣхнулся.

— Совершенно вѣрно. Но дѣло спѣшное.

— Что же вамъ нужно?

— Пусть юнга выйдетъ.

— Ступай, Юсти.

Нѣмецъ чиркнулъ спичку и долго закуривалъ, а капитанъ смотрѣлъ на него пристально холоднымъ и испытывающимъ взглядомъ.

— Итакъ, капитанъ, скоро кончается ловля?..

Кирианенъ пожалъ плечами.

— Черезъ три дня мы уходимъ въ Або.

— Въ Або?—переспросилъ нѣмецъ.

— Я, кажется, сказалъ ясно...

— Но я тоже вамъ сказалъ ясно, что намъ нужно не въ Або, а на германскій берегъ.

— Въ такомъ случаѣ,—спокойно возразилъ капитанъ,—намъ съ вами не по пути.

И протянулъ руку къ ящику стола. Въ этомъ ящикѣ лежалъ револьверъ,—нѣмецъ это помнилъ...

— Впрочемъ,—добавилъ Кирианенъ добродушно,—если вамъ не угодно плыть въ Або,—я думаю вы достаточно отдохнули, чтобы я могъ возвратитъ васъ туда, откуда имѣлъ неосторожность взять...

Нѣмецъ опустилъ голову.

— Вы намъ дадите лодку?—спросилъ онъ послѣ паузы.

— Она мнѣ нужна для ловли.

— А если мы возьмемъ ее сами?..

— Вы не возьмете, потому что я сейчасъ же посажу въ нее часового съ револьверомъ.

Нѣмецъ пожалъ плечами и, повернувшись, пошелъ къ люку, а Кирианенъ досталъ изъ ящика револьверъ и переложилъ его въ карманъ.

Съ этого дня нѣмцы опредѣленно стали держаться своей компаніей и если и не проявляли явной враждебности по отношенію къ экипажу «Феніи», то поведеніемъ своимъ подчеркивали полный разрывъ съ нимъ всякихъ сношеній.

Капитанъ почти вовсе не спалъ. Ночью, облитый перламутровыми вол-

нами луннаго свѣта, онъ сидѣлъ на кормѣ у неподвижнаго рулевого колеса, слѣдя за черными силуэтомъ лодки, выбиравшей сѣти изъ тихой воды, а днемъ или бродилъ по палубѣ, глубоко запустивъ руки въ карманы, или курилъ трубку у фокъ-мачты.

Матросы выѣзжали на ловлю теперь по двѣ смѣны: когда ѣхали Рудаковъ и поваръ,—Аксель и Юсти сидѣли на палубѣ и тихо разговаривали, борясь съ соблазномъ растянуться тутъ же на сложенныхъ у мачты брезентахъ.

Наканунъ дня отплытія, когда трюмы уже почти наполнились серебрястыми горами соленой рыбы и оставалось только еще одинъ разъ выѣхать на двѣнадцати-футовую банку, чтобы «Фенія» оказалась въ полной нагрузкѣ, къ борту подошла лодка съ «Анны-Маріи».

Человѣкъ въ рыжей шапкѣ, сидѣвшій на рулѣ, завидя издалека у борта фигуру юнга, окликнулъ его:

— Эй!.. Юсти! Разбуди капитана...

Это былъ капитанъ «Анны-Маріи» шкиперъ Котовъ, старый знакомый Кирианена, дружескихъ отношеній послѣдняго къ которому не могло испортить даже то обстоятельство, что паровая «Анна-Марія» часто поспѣвала на рыбные мѣста раньше парусной «Феніи».

Услыша плескъ воды и стукъ весель подплывавшей лодки, Кирианенъ вышелъ на палубу.

— Добрый день, капитанъ. Ты кажется уходишь утромъ въ Або...

— Да, если къ утру не заштилѣетъ...

Котовъ окинулъ взглядомъ горизонтъ.

— Врядъ ли. У меня къ тебѣ дѣло, капитанъ.

Кирианенъ протянулъ черезъ бортъ руку, ухватившись за которую Котовъ влѣзъ на палубу. Лодка сильно покачнулась и отошла отъ брига.

Они шли рядомъ по палубѣ къ кормѣ и говорили настолько тихо, что словъ ихъ разслышать не могли ни Юсти и Аксель, дежурившіе у мачты, ни нѣмцы, растянувшіеся у люка кухни.

Тѣ и другіе могли видѣть, какъ Котовъ передалъ Киріанену большой и толстый конвертъ, запечатанный сургучными печатями, который тотъ спряталъ въ боковой карманъ куртки.

— Будь спокоенъ, — говорилъ Киріаненъ шкиперу, когда тотъ уже перешелъ въ ожидавшую его лодку, — все будетъ исполнено. Я умѣю быть аккуратнымъ...

Потомъ Котовъ помахалъ другу рыжей шапкой, и лодка быстро стала удаляться. Было видно, какъ она пристала къ «Аннѣ-Маріи», и шкиперъ вылѣзъ на палубу.

Тогда капитанъ Киріаненъ, до этихъ поръ стоявшій у борта и задумчиво смотрѣвшій вдаль, повернулся и пошелъ въ свою каюту.

Юсти видѣлъ какъ на ходу онъ ощупывалъ карманъ своей куртки.

IV.

Въ эту ночь Юсти и Рудаковъ остались на бригѣ. Выѣхали на ловлю Аксель и поваръ, а капитанъ какъ всегда устроился на кормѣ.

Ночь была свѣжая, но не настолько, чтобы нельзя было выбрать сѣти.

Къ полуночи выѣхали рыбаки, а Юсти съ Рудаковымъ принялись за обычную работу, — засыпку слоемъ соли уже нагруженной рыбы.

Они сперва таскали бочки по темной и пустой палубѣ, потомъ Рудаковъ ловко выбивалъ дно и сыпалъ соль внизъ, бѣлымъ, обильнымъ дождемъ, а Юсти, стоя на мягкой и скользкой горѣ серебристыхъ рыбихъ тѣлъ, деревянной лопатой разбрасывалъ соль равномерно по всему трюму.

Къ двумъ часамъ они съ этимъ дѣломъ покончили и вылѣзли на палубу.

Луна только что взошла. Отъ каждаго изъ трехъ бриговъ вышло на ловлю по одной лодкѣ, и теперь на серебристомъ фонѣ подернутого зыбью моря рѣзко чернѣли то ныряющие, то снова появляющіеся силуэты.

Было даже видно, какъ люди, тамъ на утлыхъ челнокахъ, дѣлали свое опасное и тяжелое дѣло.

Капитана на кормѣ не было. Вѣроятно, онъ сошелъ на полчаса въ каюту. Вѣтеръ набѣгалъ порывами, и въ такіе минуты мачты скрипѣли, а такелажъ гудѣлъ, какъ натянутые струны огромнаго инструмента.

Юсти и Рудаковъ сѣли у фок-мачты. Юнга сильно усталъ и, прислонившись спиной къ черному и толстому стволу мачты, черезъ минуту сталъ кивать носомъ. Рудаковъ, это замѣтивъ, раздувая фитиль чтобы закурить трубку.

— Эгэ, малышъ, — произнесъ онъ, — да ты, кажется, сегодня не доспалъ... Ступай, пріятель, въ свой ящикъ и подремли часокъ. Все, кажется, тихо. Я буду сидѣть здѣсь, а если спросить капитанъ — скажу, что ты ушелъ на минуту...

Раньше чѣмъ нырнуть въ люкъ — бросилъ Юсти тревожный взглядъ на корму. Но фигура капитана не чернѣла какъ всегда у штурвала. Вѣрно, заснулъ — рѣшилъ юнга и, успокоившись, полѣзъ въ свой ящикъ.

Но долго спать ему не пришлось.

Проснулся Юсти отъ скрипа переборки, на которую, видимо, съ той стороны, кто-то навалился плечомъ или спиной.

Въ тишинѣ ночи отчетливо слышались тихіе голоса переговаривающихся людей. Приподнявшись на локтѣ, уставившись въ темноту испуганными глазами, Юсти сталъ слушать.

Мальчикъ плохо понималъ нѣмецкій языкъ, но, прислушиваясь къ тихому говору нѣмецкихъ матросовъ, собравшихся въ этотъ поздній часъ за тонкой стѣной кухни, онъ чутьемъ предвидѣлъ заговоръ, замирающимъ отъ волненія сердцемъ чувствовалъ опасность, угрожавшую и капитану, и экипажу, и самой «Фени».

Одинъ, вѣроятно старшій, на чемъ-то настаивалъ. Онъ нѣсколько разъ повторилъ слово «деньги», «документы» и смѣялся тихимъ и злобнымъ смѣхомъ человѣка, задумавшаго вѣрное и темное дѣло.

Другіе возражали ему, но не особенно горячо. Юсти понялъ, что они

всѣ настаивали на высадкѣ на германскій берегъ, тогда какъ старшій упорно твердилъ о «деньгахъ»...

Они чуть не перессорились и начали говорить такъ горячо и громко, что старшій прикрикнулъ на нихъ коротко и властно; все за стѣной мгновенно смолкло.

Похолодѣвшій отъ ужаса, съ бьющимся сильно сердцемъ, вылѣзъ юнга изъ своего ящика и безшумно воспользовался изъ кухни.

Въ серебрѣ луннаго свѣта тонули силуэты рыбацкихъ барокъ и лодокъ. Тишину нарушалъ лишь плескъ воды у бортовъ и мѣрное унылое поскрипыванье закрѣпленнаго штурвала.

— Ты не спишь?—удивился Рудаковъ.

Нѣсколько секундъ Юсти не могъ отъ волненія произнести слова.

— Нѣмцы...—пролепеталъ мальчикъ.

— Ну да, нѣмцы... Что же дальше?

— Сговариваются... я слышалъ...

Рудаковъ нахмурился.

— О чемъ же сговариваются?..

— Я не знаю... Не понялъ... Но старшій все говоритъ о деньгахъ, а остальные о германскомъ берегѣ...

Рудаковъ выпрямился во весь ростъ.

— Юсти, надо разбудить капитана...

Безшумно ступая по палубѣ, юнга побѣждалъ на корму. Знакомый люкъ былъ открытъ, и Юсти такъ же тихо и ловко проскользнулъ внизъ; но въ ту минуту, когда онъ коснулся пола, двѣ сильныя руки схватили его за плечи.

Юсти не понялъ словъ, зловѣщимъ шопотомъ произнесенныхъ схватившимъ его нѣмцемъ, но смыслъ ихъ ему сталъ моментально ясенъ.

Было тихо... Его держали крѣпко, но чуткимъ ухомъ юнга услышалъ наверху скрипъ блока.

«Это Рудаковъ поднимаетъ фонарь чтобы вернуть лодку»,—подумалъ онъ.

Но надежды въ сердцѣ эта мысль не пробудила.

«Не успѣютъ...». Юсти это сознавалъ превосходно.

Мимо него по узкому корабельному проходу проскользнуло нѣсколько че-

ловѣкъ. Одинъ изъ нихъ остановился на минуту и обмѣнялся нѣсколькими словами съ державшимъ юнгу нѣмцемъ. Потомъ тотъ еще крѣпче стиснулъ плечи Юсти и наложилъ на его ротъ огромную и жесткую ладонь.

Мальчикъ понималъ, что пока онъ разговаривалъ съ Рудаковымъ, нѣмецкіе матросы успѣли по подпалубному проходу добраться до капитанской каюты и что теперь неоткуда ждать помощи и спасенія...

Одно оставалось ему непонятнымъ: о какихъ деньгахъ говоритъ старшій?

Но долго размышлять Юсти не пришлось—тишину прорѣзала отчаянный крикъ человѣка, на котораго напали внезапно и котораго, быть можетъ, душили въ постели...

Затѣмъ въ каютѣ капитана одинъ за другимъ прогремѣли два выстрѣла, со звономъ покатилося что-то стеклянное—лампа или фонарь,—и хрипящій голосъ капитана Кирианена зашвыстѣлъ на весь бригъ, перекрикивая шумъ возни, трескъ мебели и крики нападавшихъ:

— Ко мнѣ!.. Рудаковъ!.. Юсти! Ко мнѣ, на помощь!..

Дверь распахнулась, и красноватый яркій свѣтъ ударилъ юнгу въ глаза.

Опрокинутый столъ, облитый керосиномъ изъ разбитой лампы, пылалъ посреди капитанской каюты.

Капитана вытащили четверо нѣмцевъ; пятый держалъ Юсти, а шестой, какъ юнга узналъ позже, боролся на палубѣ съ Рудаковымъ.

Но съ послѣднимъ не легко было справиться. Онъ быстро скрутилъ рыжеусаго нѣмца, повалилъ его на полъ, хотѣлъ было вязать, но, услыша черезъ люкъ призывъ капитана, заторопился, сгребъ нѣмца въ охапку и безъ дальнихъ словъ бросилъ его за бортъ въ море.

— Юсти!.. Гдѣ ты?

Юнга не могъ отвѣтить: его ротъ былъ плотно зажатъ.

Онъ стоялъ въ своемъ темномъ уголкѣ и съ ужасомъ наблюдалъ за развитіемъ трагедіи.

Изъ каюты валилъ черный дымъ, но никто не думалъ тушить загорѣвшійся полъ. На полу корридора, при колебавшемся то багровомъ, то желтомъ пламени начинающагося пожара, нѣмцы торопливо и озлобленно обыскивали трупъ убитаго капитана Кирианена.

— Я вамъ говорю, что они здѣсь!.. Я самъ видѣлъ!..—бормоталъ старшій чѣмецъ шаря въ карманахъ мертвеца... Ага, что я говорилъ?..

Онъ вытащилъ изъ бокового кармана куртки тотъ самый пакетъ съ тургучными печатами, который шкиперъ днемъ передалъ капитану.

Юсти видѣлъ дрожащія пальцы, срывавшіе торопливо печати, видѣлъ эти искаженные злобой и жадностью лица, наклонившіяся надъ конвертомъ... Онъ видѣлъ и отблески загорающагося пожара, дрожавшіе въ широко раскрытыхъ, полныхъ страстнаго ожиданія глазахъ.

Крикъ негодованія и разочарованія вырвался вмѣстѣ съ проклятіями.

По грязному полу корридора разсыпались какіе-то письма, документы, записки.

Денегъ за шестью печатами не было...

При вздрагивающемъ свѣтѣ все разгорающагося пожара шестеро нѣмцевъ,—плѣнные уже были брошены на произволъ судьбы,—толпились въ тѣсномъ корридорѣ, крича что-то и размахивая руками. Они пробовали было проникнуть въ капитанскую каюту, но палубный люкъ былъ открытъ, и образовалась тяга какъ въ печной трубѣ.

Юсти услышалъ еще нѣсколько разъ повторенные ими слова «германскій берегъ» и, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, выползъ на палубу.

Столбъ огня и искръ взвивался изъ кормового люка высоко къ звѣздному небу. Алой рѣкой протянулось зловѣщее зарево надъ черной, гладкой поверхностью моря, и стройныя мачты и паутина снастей «Феніи» вырисо-

вывались тонкимъ узоромъ на фонѣ кроваваго экрана.

На палубѣ Юсти натолкнулся на Рудакова. Тотъ молча схватилъ его за руку и потащилъ къ борту.

— Прыгай въ воду,—шепнулъ онъ толкая юнгу,—и плыви къ нашей лодкѣ... Не то они подплывутъ и упадутъ нѣмцамъ въ руки...

Черная тихая вода разступилась съ плескомъ. Юсти плылъ, что было силъ, навстрѣчу черному силуэту приближающейся шлюпки.

А потомъ, вытащенный Акселемъ и поваромъ изъ воды, дрожа всѣмъ тѣломъ, повторялъ только одно слово:

— Назадъ... назадъ...

Шлюпка прошла въ полукабельтовѣ отъ пылающей «Феніи».

Здѣсь подобрали тоже бросившагося въ море Рудакова. Онъ усѣлся на скамейкѣ, отдуваясь какъ моржъ, а вода тонкими свѣтлыми ручейками бѣжала съ его усовъ и одежды.

Тихо опуская весла въ чернобагровую воду, лодка прошла вдоль горящаго судна, и сидѣвшіе въ ней видѣли, какъ метались, на фонѣ огненныхъ языковъ, черныя фигуры нѣмецкихъ матросовъ.

Когда «Фенія» стала тонуть, погружаясь въ воду съ зловѣщимъ шипѣніемъ и осыпая небо и море каскадами золотыхъ искръ, нѣмцы, вѣроятно, бросились тоже въ воду,—но лодка отошла прочь и направилась такъ же медленно къ «Аннѣ-Маріи».

— Бѣдный Кирианенъ,—тихо произнесъ Рудаковъ, задумчиво глядя на пылающіе остатки тонущаго брига...

Онъ думалъ о томъ, что капитанъ, сейчасъ лежитъ на песчаномъ днѣ двѣнадцати футовой банки, въ своемъ полусгорѣвшемъ гробу, бокъ о бокъ со своими убійцами и со своимъ удачнымъ уловомъ; и не нужно ему ни попутнаго вѣтра, ни яснаго неба, ни золотыхъ вѣнковъ звѣздъ, льющихъ на сонное черное море свой дрожащій мерцающій свѣтъ.

СЛОВО БОРДЖІА

РАЗСКАЗЪ
РАФАЭЛЯ САБАТИНИ.

МЕССИРЪ Граціани, не довѣрившій собранію, на которое его пригласили такимъ таинственнымъ образомъ, приказалъ десятку своихъ людей расположиться засадой на улицѣ и, какъ только онъ дастъ сигналъ, разбивъ одно изъ оконъ, силою ворваться въ домъ.

Тѣмъ не менѣе онъ сравнительно спокойно вошелъ въ длинную съ низкимъ потолкомъ комнату, гдѣ его ждали заговорщики. Комната эта, расположенная въ мезонинѣ, тянулась во всю ширину дворца Раньери, который находился вблизи моста Августа въ Римини и выходилъ одной стороной на улицу, а другой на рѣку. Дворецъ, несмотря на все свое великолѣпіе, выглядѣлъ очень мрачно: темные обои покрывали его стѣны; на полу лежалъ коверъ темно-пурпуроваго цвѣта; вся обстановка была изъ чернаго дерева и имѣла крайне похоронный видъ, благодаря бѣлымъ инкрустаціямъ изъ слоновой кости. Освѣщалась она шарообразной алебастровой лампой на тяжеловѣсной подставкѣ и двумя серебряными канделябрами на длинномъ столѣ, стоявшемъ посреди комнаты. Въ каминѣ пылалъ яркій огонь; былъ январь мѣсяцъ. погода была холодная, и густой слой снѣга покрывалъ улицы.

Раньери, здоровый, цвѣтушій патрицій, радушно привѣтствовалъ Граціани и провелъ его къ столу, за которымъ сидѣло уже пять заговорщиковъ. Одинъ изъ нихъ тотчасъ же всталъ и привѣтствовалъ Граціани. Это былъ человѣкъ высокаго роста, статный, съ

продолговатымъ, смуглымъ лицомъ, которое казалось еще болѣе продолговатымъ, благодаря темной, клинообразной бородкѣ. Костюмъ у него былъ черный и отличался большимъ изяществомъ, а на груди висѣлъ медальонъ, сверкавшій брильянтами. Это былъ принцъ Синибальди, дворянинъ Венеціи и посолъ Свѣтлѣйшей Республики, который прибылъ сюда, чтобы поздравить Цезаря Борджіа съ недавней побѣдой его въ Римини.

Собственно Синибальди, а не Раньери, пригласилъ Граціани на это собраніе. Вотъ это обстоятельство и побудило подозрѣніе въ душѣ молодого воина Борджіа, который не довѣрялъ никому и ничему изъ Венеціи.

Что касается остальныхъ, глаза которыхъ были устремлены на лицо Граціани, то трое изъ нихъ были гражданами Римини, а четвертый—невзрачный и грязноватый на видъ человѣкъ съ блѣдными, впалыми щеками и жидкими, вылинявшими до цвѣта золы волосами, былъ римлянинъ по имени Джина Д'Аньоло — обстоятельство, усилившее подозрительность Граціано. У римлянина была одна только лѣвая рука, да и то костистая и желтая, словно куриная лапа. Другую руку и съ нее вмѣстѣ и языкъ онъ оставилъ въ Римѣ, лишенный того и другого по приказанію Цезаря Борджіа, котораго онъ поносилъ. Онъ всегда ненавидѣлъ представителей своей семьи Борджіа, и ненависть эта и злоба нисколько не уменьшились послѣ наказанія; онъ только до поры до времени затаились въ его душѣ.

Злобные глаза его съ недовѣріемъ остановились на Граціани, когда тотъ занялъ предложенное ему мѣсто; онъ открылъ свой пустой ротъ, издалъ страшный, каркающій крикъ, сопровождаемый странными жестами въ сторону венеціанца.

Синьоръ Раньери занялъ прежнее мѣсто въ концѣ стола; противъ него у другого конца стоялъ принцъ Синибальди, который, разстегнувъ двѣ пуговицы своего дублета, вынулъ изъ-за пазухи небольшой крестъ изъ чернаго дерева и слоновой кости.

— Мы сейчасъ сообщимъ вамъ причину, побудившую насъ просить вашего присутствія на сегодняшній вечеръ, мессиръ Граціани, — сказалъ онъ. — Отъ васъ будетъ зависѣть оказать или не оказать необходимую намъ помощь. Если вы не согласитесь на нее, вы уйдете отсюда, какъ и пришли; но прежде чѣмъ уйти, вы должны будете дать намъ торжественную клятву, что ни передъ кѣмъ не разболочаете того, что слышали здѣсь.

Принцъ замолчалъ. Граціани откинулъ назадъ голову и медленно окинулъ взоромъ сидѣвшихъ за столомъ. Всѣ глаза были устремлены на него; въ нихъ горѣли недовѣріе и вражда, которыхъ, очевидно, не могла сгладить даже клятва, произнесенная имъ.

Синибальди осторожно подвинулъ крестъ къ противоположному концу стола.

— Поклянитесь же надъ этимъ священнымъ символомъ нашего Спасителя... — началъ онъ, но Граціани вскочилъ на ноги и оттолкнулъ назадъ стулъ.

Онъ узналъ достаточно. Здѣсь было очевидно гнѣздо заговора противъ правительства или, вѣрнѣе, противъ его властелина герцога Валентинуа. Онъ ни въ какихъ объясненіяхъ больше не нуждался и не былъ настолько глупъ, чтобы связывать себя клятвой, ибо молчаніе ставило его на одну степень съ заговорщиками.

— Синьоры, — сказалъ онъ, — я не имѣю обыкновенія слѣпо вѣшиться

въ какое бы то ни было дѣло и давать клятву въ томъ, что мнѣ неизвѣстно. Прошу разрѣшенія уйти.

Онъ отошелъ отъ стола, собираясь немедленно уйти, но всѣ сидѣвшіе за столомъ вскочили со своихъ мѣстъ и схватились за оружіе.

Граціани обратился къ синьору Раньери, который преградилъ ему путь къ двери.

— Синьоръ, — сказалъ онъ ему, — я пришелъ сюда въ самомъ дружескомъ настроеніи и притомъ по вашему предложенію, не зная о томъ, что здѣсь ожидаетъ меня. Вѣрю себя вашей чести, синьоръ, и прошу помочь мнѣ уйти отсюда въ томъ же дружескомъ настроеніи и съ тѣмъ же невѣдѣніемъ, съ какимъ я пришелъ сюда. Я требую...

Шорохъ подкрадывающихся шаговъ заставилъ его оглянуться назадъ, и онъ увидѣлъ Аньоло, который въ ту же минуту прыгнулъ къ нему съ поднятымъ вверхъ кинжаломъ. Въ слѣдующую секунду кинжалъ опустился внизъ и скользнулъ по кольчугѣ, скрытой подъ дублетомъ Граціани.

Послѣдній моментально схватилъ его за грудь и швырнулъ на другой конецъ комнаты. Нѣмой налетѣлъ на одного изъ заговорщиковъ, который стоялъ между столомъ и окномъ, сбиль его съ ногъ такимъ образомъ, что тотъ толкнулъ пьедесталь изъ чернаго дерева, на которомъ стояла статуэтка купидона. Пьедесталь покачнувшись, и статуэтка, упавъ съ него, ударилась о стекло въ окнѣ, разбила его и вылетѣла на улицу.

Граціани поступилъ такъ безъ всякаго заранѣе обдуманнаго намѣренія, а между тѣмъ все случилось какъ бы по его желанію. Онъ свирѣпо улыбнулся, выхватилъ шпагу и, обернувшись лѣвую руку плащомъ, старался, пытаясь назадъ, пробраться къ двери. Но враги сомкнулись кругомъ него, употребляя всѣ усилія, чтобы сбить его съ ногъ; одинъ изъ нихъ пытался проткнуть ему грудь шпагой, а остальные мѣтили ему въ голову.

Онъ защищался отчаянно въ надеждѣ выиграть время, пока не явятся его люди, навѣрное слышавшіе звонъ разбитаго окна; такъ пятился онъ назадъ, пока не уперся спиною въ стѣну, къ которой его прижали три человѣка со шпагами. Онъ не могъ больше отступать, не могъ уменьшить числа своихъ противниковъ, ему ничего не оставалось больше, какъ отражать ихъ удары, пока не подоспѣтъ подкрѣпленіе.

Передъ глазами Граціани мелькнула вдругъ шпага въ рукѣ Синибальди, которая поднялась вверхъ и опустилась. Онъ хотѣлъ отразить ударъ, но было уже поздно; онъ только до нѣкоторой степени уменьшилъ силу удара, который разсѣкъ ему шляпу и черепную кость.

Шпага выпала изъ его рукъ, и онъ, потерявъ сознаніе со струившейся по лицу кровью, тихо скользнулъ вдоль стѣны и скорчился у ея подножія. Синибальди собирался пронзить кинжаломъ его дыхательное горло, чтобы навсегда покончить съ нимъ, когда позади него послышался страшный каркающій крикъ нѣмого, который все время держался у окна, и затѣмъ непрерывный стукъ въ двери. Нѣсколько секундъ стояли заговорщики въ недоумѣніи и ужасѣ. А стукъ въ двери продолжался, и громкіе голоса требовали, чтобы ихъ открыли.

— Мы попали въ ловушку! Насъ выдали,—крикнулъ Раньери.

Воскличаніе это вызвало страшную суматоху. Нѣмой первый показалъ путь къ спасенію. Мигомъ перебѣжалъ онъ комнату, какъ кошка вскарабкался на столъ у окна, выходившаго на рѣку, у самой окраины которой стоялъ домъ. Но онъ не отворилъ окна. Воспоминаніе о правосудіи Борджіа, которое онъ испыталъ на самомъ себѣ, довело его ужасъ до настоящаго безумія. Всею тяжестью своего тѣла бросился онъ на окно, сломалъ его и, сопровождаемый цѣлымъ градомъ осколковъ стекла, свалился въ темную, ледяную воду.

Словно овцы, послѣдовали заговорщики его примѣру, прыгая изъ окна одинъ за другимъ. Къ счастью для нихъ, теченіе въ рѣкѣ было быстрое и скоро принесло ихъ къ мосту Августа, гдѣ имъ удалось выбраться на берегъ, за исключеніемъ нѣмого Аньоло, который утонулъ, и Синибальди, который остался въ домѣ. Венеціанецъ, какъ и Граціани, явился на это собраніе въ кольчугѣ, скрытой подъ дублетомъ, а потому боялся, что тяжесть ея потянетъ его на дно рѣки. Онъ пытался снять ее, тщетно умоляя другихъ подождать.

— Подождать?—крикнулъ Раньери, который стоялъ уже на столѣ, приготовляясь прыгнуть изъ окна.—Съ ума вы сошли? Хватитъ ли времени, чтобы ждать? Надо торопиться, не то всѣ мы погибнемъ... А задуманный нами планъ мы должны исполнить сегодня же. Ваши люди стоятъ на своемъ посту. Скорѣе же!

Онъ выпрыгнулъ изъ окна и шлепнулся въ воду. Въ отвѣтъ на громкій всплескъ воды послышался внизу трескъ, указывавшій на то, что дверь поддалась усиліямъ людей, напиравшихъ на нее. Тяжелые шаги застучали по ступенямъ лѣстницы.

Синибальди поспѣшно бросился къ окну, но тутъ же вспомнилъ, что онъ, какъ посолъ Венеціи,—личность неприкосновенная, слѣдовательно человѣкъ, котораго никто не смѣетъ тронуть, не вызвавъ гнѣва Республики. Ему нечего было бояться, ибо никто и ни въ чемъ не могъ его обвинить. Даже Граціани и тотъ ничѣмъ не могъ бы угрожать ему, а Граціани, къ тому же, не въ силахъ теперь сказать что-нибудь.

Онъ вложилъ шпагу въ ножны и постарался придать себѣ спокойный видъ.

Дверь распахнулась, и люди Граціани ворвались съ такою стремительностью, что чуть не сбили съ ногъ принца. Сѣдой старикъ выскочилъ на середину комнаты и растерянно оглядывался кругомъ, пока не увидѣлъ своего ка-

питана, скорчившагося у подошвы стѣны. Онъ заревѣлъ отъ бѣшенства, увидя его, тогда какъ остальные солдаты столпились въ это время вокругъ венеціанца.

Синибальди съ большимъ достоинствомъ старался вѣжливо отстранить солдатъ.

— Вы стремитесь къ собственной своей гибели, накладывая руки на меня,—предупредилъ онъ ихъ.—Я принцъ Синибальди, посолъ Венеціи.

Старикъ черезъ плечо оглянулся на него, говоря:

— Будь вы самъ Люциферъ, посолъ Ада, то и тогда вы будете отвѣчать за то, что произошло здѣсь и за то, что мой капитанъ раненъ. Свяжите его!

Напрасно противился венеціанецъ, напрасно угрожалъ и умолялъ. Солдаты обезоружили его, связали ему руки и вытолкали его изъ комнаты, такъ что онъ скатился съ лѣстницы на покрытую снѣгомъ улицу.

Четверо солдатъ остались со старикомъ, который опустился на колѣни подлѣ своего капитана. Граціани начиналъ подавать кое-какіе признаки жизни. Вытеревъ одной рукой кровь со своего лица, онъ открылъ глаза и взглянулъ на старика.

— Вы во-время поспѣли, Барбо,—сказалъ онъ хриплымъ и слабымъ голосомъ.—Идите къ герцогу. Скажите ему, что тутъ составилъ заговоръ... Что-то сдѣлаютъ сегодня ночью... тѣ вотъ, которые убѣжали... Пусть его великолѣпіе будетъ остороженъ. Да скорѣе, я...

— Имена ихъ? Имена? — воскликнулъ старикъ.

Но сила воли и сознаніе лишь до тѣхъ поръ поддерживали Граціани, пока онъ не высказалъ своего предостереженія, а затѣмъ онъ откинулся назадъ и снова погрузился въ мракъ безсознательнаго состоянія.

* * *

Отправимся на торжественный банкетъ, устроенный въ Коммунальномъ дворцѣ Римини въ честь Цезаря Борд-

жіа, побѣдителя, — «Minister Divina Institiae», — который избавилъ государство отъ деспотизма Пондольфачіо, ненавистнаго Малатесты. Здѣсь присутствовали вернушіеся въ отечество нобили, которыхъ Пондольфачіо изгналъ изъ ихъ владѣній съ цѣлью самому завладѣть ими.

Торжествующіе и увѣренные въ томъ, что правосудіе Борджіа исправить причиненное имъ зло, они открыто выражали свои чувства. Были здѣсь и послы различныхъ государствъ, прибывшіе сюда, чтобы поздравить герцога съ послѣдней побѣдой. Но Цезарь напрасно смотрѣлъ во всѣ стороны,—онъ не находилъ среди присутствующихъ посла Венеціи, принца Синибальди.

Представитель Свѣтлѣйшей Республики, красивый и сановитый Капелло находился здѣсь и сидѣлъ вблизи герцога, но чрезвычайнаго посла не было видно. И Цезарь, который ничего не упускалъ изъ виду и не оставлялъ нерѣшеннымъ никакого недоразумѣнія, горѣлъ нетерпѣніемъ узнать причину его отсутствія. Замѣчательнѣе всего было то, что жена принца Синибальди, стройная, бѣлокурая женщина, корсажъ которой на груди представлялъ собою настоящую кирассу изъ драгоценныхъ камней, сидѣла съ правой стороны отъ Цезаря между Президентомъ Совѣта въ черной скромной одеждѣ и папскимъ легатомъ въ пурпуровомъ одѣяніи кардинала.

Молодой герцогъ сидѣлъ въ креслѣ. Это былъ высокій, стройный человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, въ роскошномъ, тѣсно прилегающемъ къ таліи дублетѣ изъ золотой парчи съ опушкой изъ мѣха. Блѣдное, красивое лицо его было задумчиво, а тонкіе пальцы, украшенные драгоценными камнями, перебирали время отъ времени рыжую бородку.

Обѣдъ подходилъ уже къ концу, когда разыгралась, наконецъ, трагедія, о которой никто до сихъ поръ и не подозрѣвалъ. Отстранивъ въ сторону лакеевъ, которые не хотѣли пропу-

— Свяжите его!..

стить его, въ столовую внезапно ворвался Барбо, начальникъ солдатъ Граціани.

— Синьоры!—крикнулъ онъ.—Синьоръ герцогъ! Говорю вамъ,—продолжалъ онъ, свирѣпо отбиваясь отъ на-

стойчиво обступившей его толпы лавкеевъ,—я долженъ немедленно кое-что сообщить его высочеству.

Всѣ смолкли кругомъ, пораженные такимъ внезапнымъ вторженіемъ, а нѣкоторые вскочили съ мѣста. Ме-

таллическій, холодный голосъ Цезаря, приказаль Барбо подойти ближе.

— Что привело васъ сюда?—спросилъ онъ Барбо.

— Измѣна, синьоры! — отвѣчалъ старый солдатъ.

Цезарь сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ продолжалъ.

— Мессиръ Граціани лежитъ безъ чувствъ и съ разбитой головой, а потому не могъ самъ явиться сюда, всесильный! Мы... десять человѣкъ... повинуюсь его приказанію, ворвались сегодня вечеромъ во дворецъ Раньери и...

— Замолчите! — воскликнулъ герцогъ.—Насъ здѣсь слишкомъ много.

Но не это было главной причиной, почему Цезарь приказалъ Барбо замолчать; чуткое ухо его уловило внезапный вздохъ и какое-то движеніе съ правой стороны отъ него. Онъ взглянулъ туда и увидѣлъ, что принцесса Синибальди сидитъ, откинувшись на спинку кресла; лицо у нея было смертельно блѣдное, а голубые глаза съ выраженіемъ неподдѣльнаго ужаса устремились впередъ.

Съ быстротою молній промелькнули въ головѣ его факты за фактами, и онъ сразу нашелъ разгадку того, что его такъ удивляло,—разгадку причины отсутствія Синибальди. Онъ зналъ теперь, гдѣ былъ сегодня вечеромъ Синибальди, не зналъ только какого рода измѣна была задумана принцемъ.

Онъ всталъ, и вмѣстѣ съ нимъ встало все общество, за исключеніемъ принцессы Синибальди, которая сдѣлала усиліе, чтобы встать, но не могла, какъ это замѣтилъ Цезарь. Онъ махнулъ рукой и сказалъ, улыбаясь:

— Синьоры и мадонны, прошу искренно не беспокоится изъ-за меня.—И, обращаясь къ Президенту Совѣта, продолжалъ.—Прошу, мессиръ, разрѣшенія удалиться на минуту.

— Пожалуйста, синьоръ, пожалуйста!—воскликнулъ президентъ, сконфуженный такимъ обращеніемъ Цезаря.—Сюда, прошу васъ, въ эту комнату... Никто вамъ не помѣшаетъ.

И онъ поспѣшно подошелъ къ указанной имъ двери, чтобы отворить ее. Отступивъ затѣмъ въ сторону, онъ рукой пригласилъ герцога войти.

Цезарь вошелъ туда въ сопровожденіи Барбо. Дверь закрылась за ними, и въ столовой тотчасъ же поднялся шумъ взволнованныхъ голосовъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ спорили о томъ, что все это значить.

А Барбо тѣмъ временемъ передавалъ о происшествіи въ домѣ Раньери, куда онъ явился послѣ условленнаго заранѣе сигнала Граціани, и закончилъ сообщеніемъ, что онъ захватилъ одного изъ заговорщиковъ, а именно принца Синибальди.

— Надѣюсь, что въ этомъ случаѣ я ничего не сдѣлалъ такого, за что могъ бы получить неодобреніе вашего величества,—сказалъ Барбо съ нѣкоторымъ смущеніемъ.—Принцъ сказалъ мнѣ, будто онъ посоль.

Цезарь поспѣшилъ разсѣять его сомнѣнія.

— Вы поступили хорошо,—сказалъ онъ и, отойдя отъ него, зашагалъ медленно назадъ и впередъ по комнатѣ. Брови его нахмурились, и онъ съ задумчивымъ видомъ поглаживалъ свою бородку.—Имѣете вы какое-нибудь понятіе о томъ, какова цѣль этого заговора? Что собственно предполагалось совершить въ эту ночь?—спросилъ онъ.

— Увы, синьоры! Не знаю.

— Не знаете-ли, кто были бѣжавшіе заговорщики?

— Нѣтъ, синьоръ, за исключеніемъ одного.. котораго зовутъ синьоръ Раньери.

— Да... но кто же другіе? Неужели вы не можете сказать даже сколько ихъ было.

Цезарь вдругъ замолчалъ. Онъ вспомнилъ принцессу Синибальди. Она знаетъ... она своимъ поведеніемъ выдавала себя. На лицѣ его мелькнула злобная улыбка.

— Попросите сюда принцессу Синибальди.

Барбо поклонился и вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ дверь снова открылась. Барбо ввелъ принцессу и, по знаку Цезаря, немедленно удалился.

— Я просилъ васъ къ себѣ,—сказалъ онъ съ изысканной вѣжливостью,—желая дать вамъ возможность спасти мужа отъ петли палача.

— Синьоры!.. Синьоры!.. Одну минуту!.. Сжальтесь!..

Венецѣанка остановилась противъ Цезаря; она была смертельно блѣдна; грудь ея высоко поднималась. Цезарь Борджіа любезно предложилъ ей кресло. Принцесса безсильно опустила въ него, и глаза ея устремились на герцога.

Онъ положилъ пальцы на край стола и склонился къ ней.

МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ. КВ. 3.

— О, Боже мой!—воскликнула принцесса, прижимая руки къ груди. — Я знала это! Сердце вѣщало мнѣ...

— Вы напрасно такъ волнуетесь,—сказалъ Борджіа, стараясь успокоить ее.—Принцъ Синибальди арестованъ и ждетъ моего рѣшенія. А мое рѣшеніе, мадонна, зависитъ отъ васъ. Жизнь его въ вашихъ рукахъ.

Она взглянула на него, взглянула на его прекрасное, улыбающееся молодое лицо, на его глаза, какъ у газели, которые такъ ласково смотрѣли на нее и... испугалась. Но въ слѣдующую минуту пришла въ себя. Выраженіе лица сдѣлалось непреклоннымъ и, хотя голосъ ея слегка дрожалъ, глаза съ вызовомъ устремились на него.

— Мой мужъ явился сюда, какъ аккредитованный посолъ Свѣтлѣйшей Республики,—сказала она.—Особа его неприкосновенна. Оскорбляя его, вы оскорбляете Республику, ибо онъ ея представитель, и Республика не замедлитъ отомстить за себя. Вы не смѣете прикоснуться къ нему! Не смѣете! Не смѣете! — Голосъ ея сдѣлался пронзительнымъ.

Онъ поклонился ей, слегка улыбаясь.

— Оставляйте при нашемъ убѣжденіи и будьте счастливы,—сказалъ онъ. Въ голосѣ его звучала до того зловѣщая насмѣшка, что напущенная ею на себя непреклонность сразу разсѣялась.

Прижавъ руку къ сердцу и съ широко открытыми глазами, вскочила она съ мѣста.

— Синьоръ!.. Синьоръ! Одну минуту! Сжальтесь!

Онъ собирался уже открыть двери, но услыша ея слова, остановился.

— Мадонна, я сказалъ уже, что все зависитъ отъ васъ. Вашъ мужъ обвиняется въ измѣнѣ. Если вы его любите и не желаете, чтобы его повѣсили сегодня же ночью, вы должны спасти его.

Она съ ужасомъ взглянула на него, стараясь прочесть на лицѣ его, что онъ хочетъ сказать.

— Чего... чего вы требуете отъ меня?—спросила она съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ.

Онъ медленно, не спѣша подошелъ къ ней.

— Вы должны сообщить мнѣ все, что вамъ извѣстно о существующемъ заговорѣ.

Она закрыла лицо руками и тихо простонала. Она колебалась. Борджиа

ласково взялъ ея за руки и усадилъ въ кресло.

— Говоря по правдѣ, — сказалъ онъ,—я не желаю ссориться съ Свѣтлѣйшей Республикой, а потому хочу добиться своего болѣе мирнымъ способомъ. Но, клянусь Богомъ, если мнѣ это не удастся, принцъ Синибальди сегодня же будетъ подвергнутъ пыткамъ, а то, что останется отъ него, отправятъ на висѣлицу.. да, хотя-бы онъ былъ посломъ самой Имперіи. Меня зовутъ,—продолжалъ онъ,—Цезаремъ Борджиа. Вы вѣроятно слышали обо мнѣ.

Слова эти не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его намѣреній, ибо она много чего слышала о его правосудіи. Она снова взглянула ему въ глаза.

— Такъ вы даруете мнѣ его жизнь за это сообщеніе?—воскликнула она.

— Скажите мнѣ все, что вамъ извѣстно о заговорѣ, планъ котораго былъ составленъ сегодня вечеромъ въ домѣ Раньери, и я клянуся вамъ своею честью и спасеніемъ души своей, что ни я и никто изъ моихъ людей не вырветъ и волоса изъ бороды Синибальди!

— Онъ будетъ гнѣваться на меня,—начала она.

Глаза Цезаря сверкнули.

— Ему нѣтъ надобности знать этого,—сказалъ онъ съ лукавой улыбкой.

Нельзя сказать, чтобы онъ охотно шелъ на такой компромиссъ. Онъ былъ вынужденъ на него. Дѣло было спѣшное. Ударъ, каковъ бы онъ ни былъ, задуманъ былъ на эту ночь, время не терпѣло отсрочекъ. Необходимо было узнать все сейчасъ и во что бы то ни стало, дабы знать, какъ избѣжать и отпарировать его.

— Вы даете мнѣ ваше слово?—начала она.

— Я уже далъ его, мадонна, и не имѣю обыкновенія нарушать данное слово.

И онъ добился того, что она сообщила ему все, что ей было извѣстно. Вчера вечеромъ синьоръ Раньери по-

сѣтилъ ея мужа. Она еще раньше подозрѣвала, что Синибальди составляетъ какой то заговоръ съ этимъ другомъ павшаго Малатесты. Она подслушала и узнала, что заговоръ составляется противъ Цезаря Борджіа. Раньери говорилъ о сегодняшнемъ банкетѣ. Цезаря долженъ былъ провожать конвой съ факелами вплоть до крѣпости Сигизмунда, гдѣ онъ остановился. Заговорщики рѣшили воспользоваться этимъ моментомъ.

Два стрѣлка должны были ждать на условленномъ мѣстѣ и убить герцога, когда онъ будетъ проѣзжать мимо. Цезаря, какъ они узнали, не будетъ сопровождать верховая стража; будутъ только пѣшіе алебардщики, поверхъ головъ которыхъ легко стрѣлять. Для болѣе вѣрнаго успѣха Синибальди предложилъ подкупить Граціани, котораго онъ считалъ въ числѣ недовольныхъ.

— Вотъ все, что я слышала, синьоръ!—сказала она.

— Достаточно и этого, клянусь Богомъ!—воскликнулъ Цезарь, глаза котораго горѣли.

Она взглянула на него, и въ душѣ ея снова пробудился ужасъ. Она вскочила съ мѣста и молила его не забывать даннаго слова. Выраженіе гнѣва собѣжало мгновенно съ его лица, словно маска, надѣтая на него, и онъ улыбнулся.

— Не беспокойтесь, — сказалъ онъ.—Ни я и никто изъ моихъ людей, мы пальцемъ не прикоснемся къ вашему мужу. А теперь, мадонна, вамъ лучше уйти. Вы, я вижу, въ полномъ изнеможеніи.

Она согласилась съ нимъ и сказала, что будетъ рада уйти.

— Принцъ выйдетъ отсюда вслѣдъ за вами,—сказалъ Цезарь, когда она встала.—Но сначала мы должны примириться съ нимъ. Будьте покойны,—продолжалъ онъ, замѣтивъ выраженіе ужаса въ ея глазахъ—ибо она подумала въ эту минуту, о какомъ мирѣ со своими врагами можетъ говорить Цезарь,—онъ будетъ принять со всей

подобающей ему честью. Я постараюсь привлечь его на свою сторону и отвлечь его отъ измѣнниковъ, которые обошли его.

— Вы правы! О, вы правы!—воскликнула она горячо.

Онъ поклонился и предупредительно открылъ ей дверь. Онъ просилъ президента провести ее къ ея носилкамъ, а самъ занялъ прежнее мѣсто во главѣ стола и веселостью своей заразилъ все общество, такъ что никому и въ голову не могло притти, о чемъ онъ думаетъ въ данный моментъ.

Но какъ только президентъ, исполнивъ данное ему порученіе, вернулся назадъ, Цезарь сдѣлалъ знакъ Барбо, ожидавшему его приказаній.

— Приведите сюда принца Синибальди,—сказалъ онъ, и слова эти снова навели уныніе и молчаніе на все общество.

Представитель Венеціи, сановитый Капелло всталъ съ мѣста и, подойдя къ Цезарю, шепнулъ нѣсколько словъ протеста на-ухо герцогу.

— Немножко терпѣнія, синьоръ!—сказалъ ему Цезарь. Въ глазахъ герцога мелькнула, надо думать, что-то особенное, ибо слабохарактерный посланникъ отступилъ отъ него съ такимъ видомъ, какъ будто ему нанесли ударъ.

Въ концѣ столовой распахнулись въ эту минуту двери, и въ нихъ показался Синибальди въ сопровожденіи Барбо и четырехъ солдатъ Граціани. Руки принца еще были связаны за спиной; онъ былъ безъ шляпы и плаща, одежда его была въ беспорядкѣ.

Всѣ присутствующіе были поражены, кругомъ стола пробѣжалъ ропотъ. По знаку, данному Цезаремъ, стража тотчасъ же удалилась, а Барбо остался, чтобы развязать плѣнника.

Синибальди, истое олицетвореніе презрѣнія и глубокаго сознанія собственнаго достоинства, держалъ голову высоко, а глаза его были устремлены на безстрашное лицо Цезаря. И не дожидаясь приглашенія, онъ разразился гнѣвной рѣчью:

— Не вы ли, ваше высочество, причина такого недостойнаго обращенія со мной, съ неприкосновенной особой посла? Свѣтлѣйшая Республика, пославшая меня сюда, какъ своего представителя, не легко прощаетъ такое отношеніе къ себѣ!..

— Вы, насколько я понимаю, грозите намъ чѣмъ-то, экселенца! Думается мнѣ, однако, что и послу Свѣтлѣйшей не слѣдовало бы грозить намъ.

Что-то страшное слышалось въ холодномъ, спокойномъ голосѣ Цезаря, но еще болѣе страшное виднѣлось въ его голубыхъ глазахъ, обращенныхъ на венеціанца, и Синибальди сразу осѣлъ, потерявъ присущее ему высокое, какъ это бывало со всѣми, кому приходилось становиться лицомъ къ лицу съ молодымъ герцогомъ Валентинуа.

Капелло, стоявшій на заднемъ планѣ, сжалъ зубы, стараясь удержать готовое вырваться возраженіе.

— Жду, синьоръ, вашего показанія о сегодняшнемъ заговорѣ, — холодно продолжалъ Цезарь.

Венеціанецъ приготовился заранѣе къ этому показанію. Онъ разсказалъ то, что могъ бы разсказать и Граціани.

— Я получилъ секретное приглашеніе явиться вечеромъ въ домъ синьора Раньери. Мнѣ сказали, что дѣло идетъ о жизни и смерти и что все это близко касается меня. Я засталъ тамъ небольшое общество, которое, прежде чѣмъ сообщить мнѣ о причинѣ моего приглашенія, потребовало, чтобы я поклялся, что никогда и ни однимъ словомъ не выдамъ того, что услышу, и не назову имени тѣхъ, кого я тамъ встрѣтилъ. Я не дуракъ, ваше высочество, и сразу догадался, что дѣло идетъ о какой-то измѣнѣ. Я отказался, но тутъ же понялъ, какъ неосторожно поступалъ, принявъ это приглашеніе: ясно было, что они не выпускаютъ меня изъ опасенія, чтобы я не поднималъ тревоги. Исключительно изъ самозащиты произнесъ я требуемую клятву, послѣ чего заявилъ, что

не желаю ничего слышать, я прошу отпустить меня, ибо я поклялся имъ хранить молчаніе. Но, какъ вамъ вѣстно, люди такого сорта всегда страшатся предательства. Они отказались отпустить меня; я вступилъ въ борьбу и кого-то ранилъ своей шпагой. На шумъ, поднятый нами, явился патруль. Заговорщики выпрыгнули черезъ окно въ рѣку. Я же—такъ какъ мнѣ нечего было бояться, ибо я ни въ чемъ не былъ виновенъ,—остался и былъ арестованъ.

Капелло вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Вотъ видите, ваше высочество, видите,—началь онъ.

— Тише! — нетерпѣливо воскликнулъ герцогъ и, обращаясь снова къ Синибальди, сказалъ:—Синьоръ, мнѣ невыразимо прискорбно, что моя стража такъ грубо обошлась съ вами, но вы не можете не согласиться, что до вашего показанія рѣшительно все говорило противъ. Увѣренъ поэтому, что вы постараетесь оправдать насъ передъ Свѣтлѣйшей Республикой за неучтивое обращеніе съ ея представителемъ. Считаю нужнымъ прибавить, что будь на нашемъ мѣстѣ кто-либо другой, я не такъ-бы легко повѣрилъ данному вами объясненію и потребовалъ бы, чтобы мнѣ назвали имена тѣхъ, кто участвовалъ въ заговорѣ.

— Былъ бы радъ сообщить ихъ имена вашему высочеству, но я связанъ клятвой,—отвѣчалъ Синибальди.

— Я прекрасно понимаю васъ, а потому, синьоръ, не рѣшаюсь предложить вамъ ни одного вопроса, на который вы не могли бы отвѣтить. Забудемъ же этотъ несчастный инцидентъ. Приготовить мѣсто для принца Синибальди... рядомъ со мной! Садитесь, синьоръ, позвольте мнѣ быть истымъ хозяиномъ и хоть сколько-нибудь вознаградить васъ за грубое обращеніе, которое вы претерпѣли въ нашемъ городѣ. Вотъ вино... Оно само по себѣ можетъ быть нѣкоторымъ вознагражденіемъ. Въ каждомъ флаконѣ его—южное Тосканское лѣто.

Человѣкъ въ плащѣ изъ тигровой шкуры свалился съ сѣдла.

Съ трудомъ вѣря тому, что ему такъ легко удалось выкарабкаться изъ опаснаго положенія, и думая, что все это сонъ, Синибальди опустился въ кресло, поставленное для него рядомъ съ герцогомъ. Все кругомъ заговорило, зашумѣло; призвали гаеровъ, которые разыграли передъ обществомъ веселое комическое представленіе, и вечеръ закончился полнымъ весельемъ.

Цезарь Борджіа, какъ любезный хозяинъ, окончательно обворожилъ венеціанскаго принца, ибо трудно было найти другаго человѣка, который могъ бы превзойти герцога изысканной вѣжливостью и любезностью.

Но несмотря на то, что Цезарь смѣялся и шутилъ, онъ не переставалъ думать о заговорѣ и о томъ, какъ далеко можетъ зайти въ этомъ

случаѣ Свѣтлѣйшая Республика, и въ какой мѣрѣ уполномочила она Синибальди участвовать въ этомъ заговорѣ. Венеція на каждомъ шагѣ и всѣми способами выказывала ему свое недоброжелательство; она снабжала его враговъ оружіемъ и деньгами; съ помощью интригъ и злословія пыталась посорить его съ Франціей и Испаніей. Не былъ ли Синибальди и въ этомъ дѣлѣ агентомъ Республики? Герцогъ понималъ, что ему необходимо быть осторожнымъ. Онъ долженъ сдерживать слово, данное женѣ Синибальди, а между тѣмъ онъ долженъ наказывать его и захватить его соучастниковъ, чтобы обезсилить заговоръ. И все это необходимо устроить такимъ образомъ, чтобы не дать Венеціи ни малѣйшаго повода для неудовольствія, не забывая при этомъ, что нѣтъ никого, кто могъ бы опровергнуть разсказъ Синибальди, ибо Граціани, единственный человекъ, которому была извѣстна истина, находился въ безсознательномъ состояніи и врядъ ли останется въ живыхъ.

Была полночь, когда Цезарь всталъ, чтобы удалиться, выразивъ желаніе не разлучаться со своимъ новымъ другомъ Синибальди. Венеціанецъ непременно долженъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ цитадель, — да и венеціанецъ Капелло долженъ участвовать въ кавалькадѣ.

И вотъ герцогъ Валентинуа и принцъ Синибальди вышли подъ руку другъ съ другомъ изъ столовой, прошли длинную галлерею и вышли во дворъ, гдѣ ихъ ждали солдаты съ факелами въ рукахъ. Мужчины сѣли на лошадей, а дамы заняли мѣста въ носилкахъ.

Къ Цезарю подошелъ лакей въ черной ливреѣ герцога и поднесъ ему шапку его и плащъ.

Послѣдній былъ сдѣланъ изъ тигровой кожи и обшитъ золотымъ галуномъ; онъ не только дорого стоилъ, но и сразу бросался въ глаза. Это былъ подарокъ султана Баязета, присланный изъ Турціи; Цезарь надѣвалъ его постоянно съ того самаго времени, какъ началась холодная погода.

Когда лакей подошелъ къ Цезарю, послѣдній сказалъ своему спутнику:

— Вы безъ плаща, синьоръ, а сегодня очень холодная ночь. Вы потеряли свой, оставаясь вѣрнымъ мнѣ, и потому позвольте мнѣ замѣнить его другимъ и предложить его вамъ, какъ жалкій знакъ моего уваженія къ вамъ и къ Свѣтлѣйшей Республикѣ, представителемъ которой вы состоите.

Онъ взялъ плащъ у лакея и предложилъ его принцу. Синибальди пристально взглянулъ въ глаза Цезаря. Герцогъ улыбался; венеціанцу улыбка эта показалась страшной и много значительной. Синибальди понялъ, что онъ попалъ въ ловушку.

Что могъ онъ сказать? Возможно ли было отклонить отъ себя эту честь, не сознавшись открыто во всемъ и не заявивъ, какой опасности подвергается онъ, надѣвъ этотъ плащъ? А сановитый Капелло потиралъ въ это время руки и пыталъ отъ удовольствія, услыша любезныя слова Цезаря.

— Даръ благородный, ваше великолѣпіе, — воскликнулъ онъ. — Свѣтлѣйшая Республика приметъ честь, оказанную нашему принцу за честь, оказанную ей самой.

— О, — засмѣялся Цезарь, — даръ этотъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего заслуживаетъ принцъ.

Синибальди одинъ только понялъ зловѣщее значеніе этихъ словъ и, содрогаясь внутренно, проклялъ глупца Капелло. Но вслѣдъ затѣмъ онъ собрался съ духомъ, стараясь увѣрить себя, что заговорщики врядъ ли приступятъ къ исполненію своего плана послѣ всего, что произошло. Все въ такомъ случаѣ кончится благополучно. Цезарь во всякомъ случаѣ можетъ только подозревать. Имѣй герцогъ опредѣленные свѣдѣнія, онъ и дѣйствовалъ бы болѣе опредѣленнымъ способомъ.

Разсужденія такого рода вернули Синибальди его прежнюю увѣренность. Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ благодарности, говоря, что ничѣмъ не заслужилъ такой чести, и позволилъ

набросить на себя плащъ и ярко красную бархатную шапку,—всѣмъ извѣстную шапку Цезаря. Затѣмъ онъ вскочилъ на великолѣпнаго коня, котораго Цезарь отдалъ въ его распоряженіе. А мессиръ Капелло, стоявшій поблизости, облизалъ даже губы отъ удовольствія при видѣ чести, оказанной представителю его правительства.

— Лошадь эта очень горячая,—сказалъ Цезарь принцу.—Но васъ будутъ сопровождать мои люди.

И Синибальди снова слышалась угроза, скрытая въ этихъ словахъ, значеніе которой заключалось въ томъ, что было бы тщетно пытаться избѣжать наказанія, къ которому онъ приговоренъ.

Они двинулись по улицамъ, кишѣвшимъ народомъ, который вышелъ посмотреть на великолѣпную ка алькаду, сопровождаемую пѣхотинцами съ факелами въ рукахъ. Только немногіе изъ толпы обратили вниманіе на то, что человѣкъ въ ярко-красной шапкѣ и въ плащѣ изъ тигровой шкуры, ѣхавшій на великолѣпной лошади въ богатомъ чепракѣ, не герцогъ Валентинуа. Не многіе также обратили вниманіе на человѣка въ черномъ плащѣ и высокой шапкѣ, который ѣхалъ на нѣкоторомъ разстояніи позади и почти терялся среди веселыхъ всадниковъ, окружавшихъ его. Толпа такъ шумѣла, что никто рѣшительно не слышалъ, какъ что-то щелкнуло два раза въ сторонѣ дома, стоявшаго на углу площади Цитадели. Пѣхотинцы бросились вдругъ къ лошади Синибальди, схватили ее подъ уздцы, и только тутъ увидѣли всѣ, что человѣкъ въ плащѣ изъ тигровой шкуры свалился съ сѣдла съ прострѣленной головой.

Послышался крикъ: «Герцога убили!» Но въ ту же минуту, словно по мановенію волшебнаго жезла появился вдругъ самъ герцогъ, и громкій голосъ его покрывъ крикъ толпы:

— Скорѣе въ домъ! Скорѣе! И чтобы ни одинъ человѣкъ не убѣжалъ оттуда! Они убили посла Венеціи и своей головой поплатятся за это, кто бы они тамъ не были!

Домъ былъ немедленно окруженъ и въ сѣти Цезаря попались четыре заговорщика, а съ ними вмѣстѣ и два сбира въ ливреѣ Синибальди.

Ихъ всѣхъ вытащили на площадь, гдѣ ихъ окружили факельщики, и тутъ только понялъ Капелло все случившееся. Синибальди приняли за герцога. Умышленно ли подстроилъ все это герцогъ? Не легко будетъ ему расквитаться за это съ Венеціей. Онъ подѣхалъ къ Цезарю... Глаза его горѣли бѣшенствомъ. Но не успѣлъ онъ еще сказать что-нибудь, какъ Цезарь схватилъ его за плечо и, указавъ на Раньери и другихъ заговорщиковъ, сказалъ:

— Взгляните, мессиръ Капелло! Взгляните: одинъ только Раньери изъ моихъ, а всѣ остальные друзья Синибальди; два въ его ливреѣ... собственные его слуги! И они убили его!

Капелло скрылъ свое бѣшенство и горе и стоялъ съ опущенной головой.

— Синьоръ,—воскликнулъ онъ наконецъ,—отъ имени Республики взываю къ вашему правосудію и прошу наказанія убійцъ.

— Правосудіе свершится, синьоръ!

На слѣдующій день съ балкона дома, откуда стрѣляли, спускались шесть труновъ повѣшенныхъ убійцъ принца Синибальди. Правосудіе Цезаря Борджіа свершилось.

Цезарь былъ видимо доволенъ, когда смертельно-блѣдный Капелло явился благодарить его отъ имени Республики за свершившееся правосудіе. Но еще болѣе былъ онъ доволенъ, что сдержалъ слово, данное принцессѣ Синибальди, ибо ни онъ и никто изъ его приверженцевъ не прикоснулся пальцемъ къ Синибальди, чтобы отомстить ему за участіе въ заговорѣ.

— Ваше имя Уинслоу?—спросилъ
стоявшій впереди.

ДЖЕКОВЪ КОТЕЛЪ

Разсказъ М. ВАТСОНЪ.

Я НИКОГДА не видѣлъ вдовы Кэрай, а между тѣмъ не будь ея на свѣтѣ, я не написалъ бы этого разсказа.

Много приключеній пришлось мнѣ пережить на своемъ вѣку, но немногія изъ нихъ случились при такихъ обстоятельствахъ, какъ то, которому я обязанъ Магнусу Шеду, игравшему такую видную роль въ мірѣ рудокоповъ, несмотря на всѣ свои недостатки и склонность къ упущеніямъ. Странное и даже, пожалуй, забавное приключеніе это случилось по ту сто-

рону Колорадо, въ округѣ «Излучистой Рѣки», который извѣстенъ подъ названіемъ «Джекова Котла». Шедъ, задумавшій арендовать тамъ участокъ, пожелалъ, разумѣется, узнать, въ какомъ состояніи онъ находится. Если нельзя будетъ получить отъ него выгоды или трудно будетъ передать его другому, не пропустивъ законнаго срока, то онъ готовъ былъ отказаться и забыть о немъ. Въ общемъ же онъ держался того мнѣнія, что рудникъ всегда имѣетъ кое-какіе шансы на

воей сторонѣ, а потому поручилъ мнѣ изслѣдовать его. Я ознакомился съ договоромъ, который былъ заключенъ между Шедомъ и Макъ Танартомъ и, воспользовавшись хорошимъ весеннимъ днемъ, отправился въ Денверъ и переночевалъ тамъ. На слѣдующій день я былъ уже въ Аутрамѣ, откуда, согласно полученнымъ мною инструкціямъ, долженъ былъ двинуться на Пуантъ-Эбенезеръ, какъ назывался лагерь рудокоповъ. Участки Эбенезера обрабатывались уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а между тѣмъ Шедъ увѣрялъ меня, будто онъ ни разу не слышалъ, чтобы тамъ наживали миллионы. Лагерь походилъ скорѣе на городъ и на немъ замѣтенъ былъ нѣкоторый оттѣнокъ цивилизации. Въ Аутрамѣ ѣхалъ вмѣстѣ со мною человекъ небольшого роста, съ блестящими, живыми глазами; онъ говорилъ сначала о политикѣ, о патронахъ и капиталахъ, а затѣмъ перешелъ къ рудникамъ. Особенно былъ онъ сообщителенъ, когда говорилъ о самомъ себѣ, и я узналъ такимъ образомъ, что онъ смотритель амбаровъ въ Эбенезерѣ. Съ своей стороны я сообщилъ ему лишь то, что находилъ возможнымъ.

— О,—сказалъ я,—мы съ вами стремимся къ одному и тому же источнику. Въ Эбенезерѣ мы ближе признакомимся съ вами.

— Да?—сказалъ онъ, внимательно всматриваясь въ меня.—Оттуда никто не уѣзжалъ, не захвативъ участка.

— Ну, я больше на сторонѣ амбаровъ,—отвѣтилъ я со смѣхомъ.—Видѣлъ я много лагерей и людей, жаждущихъ золота, и могу сказать, что проигрывали они, а не смотрители амбаровъ.

Онъ улыбнулся въ отвѣтъ на мою шутку.

— Противорѣчить не могу,—сказалъ онъ.—Всѣ рудокопы мои пріатели.

Онъ пытливо взглянулъ на меня. Я имѣю привычку сообщать о себѣ лишь то, что требуется обстоятельствами,

а потому промолчалъ, но на этотъ разъ я не считалъ нужнымъ умалчивать о своей профессіи и, когда онъ спросилъ, не протекторъ ли я, я отвѣтилъ ему, что занимаюсь въ этомъ направленіи.

— О!—сказалъ онъ и задумался, изрѣдка съ любопытствомъ посматривая на меня. Въ Аутрамѣ онъ былъ настолько любезенъ, что проводилъ меня до самого отеля. Въ Аутрамѣ нѣтъ большихъ домовъ кромѣ отеля, но я надѣялся, что здѣсь можно будетъ достать «экипажъ», чтобы доѣхать до Эбенезера, который находился всего въ десяти миляхъ разстоянія.

Я нанялъ въ отелѣ кабріолетъ въ одну лошадь; его уже запрягали, когда я увидѣлъ своего болтливаго спутника, который разговаривалъ съ хозяиномъ отеля, какъ мнѣ показалось. Я выпилъ кофе и затѣмъ вышелъ посмотреть, готовъ ли экипажъ. Оказалось, что онъ поданъ, и я уже поставилъ ногу на подножку, когда кто-то внезапно остановилъ меня.

— Простите, пожалуйста, но этотъ экипажъ занятъ уже,—сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ на это, что я первый нанялъ его, но неизвѣстный продолжалъ настаивать на своемъ.

— Простите, это недоразумѣніе. Кабріолетъ былъ раньше нанятъ.

Я вернулся въ отель, крайне разстроенный случившимся, и поспѣшилъ къ хозяину; но мой разговоръ съ нимъ не измѣнилъ обстоятельствъ дѣла. Онъ даже не выразилъ никакого сожалѣнія по этому поводу и категорически заявилъ, что у него нѣтъ больше кабріолета. Я пошелъ къ дому по другой сторонѣ улицы и вызвалъ хозяина. Но лошадей у него не оказалось дома; всѣ онъ уѣхали съ телѣгами. По ту сторону желѣзнодорожнаго пути я увидѣлъ домикъ, во дворѣ котораго находился машинный сарай, и я отправился туда. Какъ ни странно, но и здѣсь я ничего не могъ найти. Это окончательно вывело меня изъ себя, но тутъ я увидѣлъ

своего спутника съ блестящими глазами.

— Мнѣ и во снѣ не снилось болѣе глухого и мрачнаго мѣста,—сказалъ я.—Настоящій кошмаръ! Лошадей и тѣхъ не найти!

Съ минуту смотрѣлъ онъ неподвижно въ сторону угасающаго дня и, наконецъ, сказалъ:

— Если вамъ такъ необходимо ѣхать въ Эбenezеръ, я могу подвезти васъ.

Мнѣ было, конечно, необходимо ѣхать туда, и я съ благодарностью принялъ его предложеніе. Не прошло и четверти часа, какъ мы двинулись въ путь, сидя въ длинной телѣгѣ, нагруженной боченками, ящиками, тюками, въ которыхъ,—подумалъ я,—находились всевозможные запасы для амбаровъ. Мнѣ показалось, что спутникъ мой находится въ какой-то непонятной для меня тревогѣ и все время внимательно присматривается къ окружающему насъ ландшафту. Мы проѣхали уже полдороги, когда я услышалъ позади насъ стукъ; оглянувшись назадъ, я увидѣлъ легкую телѣжку и въ ней какого-то человѣка, который скоро догналъ насъ и, съ проклятіемъ ударивъ лошадь, проѣхалъ мимо.

Мой спутникъ взглянуть ему вслѣдъ.—«Никъ Гарвей», сказалъ онъ и впалъ въ прежнее молчаніе, отвѣчая лишь изрѣдка на мои случайные вопросы. Начинало совсѣмъ уже темнѣть, когда мы замѣтили мелькавшіе вдаль огни Пуанта, а съ тѣмъ вмѣстѣ услышали женскій голосъ:

— Это ты, дядя?

— Бессъ!

Къ намъ подошла молодая дѣвушка.

— Это твой пассажиръ? Никъ Гарвей крикнулъ мнѣ словечко, и я подумала, что онъ намекаетъ на что-то неладное. Старый Недъ Персонъ много будто бы болтаетъ о своемъ ручьѣ. Пустите меня къ себѣ, дядя!

Съ быстротою юности вскарабкалась она на телѣгу и, усѣвшись рядомъ съ дядей, взяла у него изъ рукъ возжи.

— Ладно, Бессъ! Ты угадала,—сказалъ онъ кротко.—Я чувствовалъ, что такъ будетъ. Я сыгралъ съ нимъ гнусную штуку, не подумавъ о послѣдствіяхъ.

— Такъ я и думала,—сказала она и затѣмъ обратилась ко мнѣ: — Вамъ было бы лучше лечь на дно между ящиками.

— Но, ради Бога, я ничего не понимаю...—началъ я, пораженный ея словами.

— Помните скоро,—отвѣчала она,—когда Недъ Персонъ разрядитъ свое ружье. Укладывайтесь-ка между ящиками.

— Я самъ собирался предложить ему это,—виноватымъ тономъ сказалъ дядя.

Она отвѣтила что-то—я не слышалъ что—и хлестнула лошадь. Повинуясь приказанію молодой дѣвушки, я растянулся между боченками и ящиками. Минутъ двадцать еще тряслись мы и, наконецъ, остановились. Я выглянулъ изъ-за ящика и увидѣлъ, что мы остановились у какого-то строенія. Я вылѣзъ изъ телѣги и, слѣдуя приглашенію дѣвушки, вошелъ въ домъ; потерявъ почему-то сразу свою независимость, я подчинился этимъ страннымъ людямъ.

— Не думаю, чтобы они сегодня же ночью предприняли что-нибудь,—сказала Бессъ.

— Не можете ли объяснить, въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

Бессъ была высокая, стройная брюнетка лѣтъ двадцати пяти отъ роду; все въ ней указывало на силу воли и рѣшимость.

— Вы ѣдете въ «Джековъ Котель»?—спросила сна.

— Да,—подтвердилъ я.

— Рудокопы клянутся, что не пустятъ васъ въ рудникъ. Они говорятъ, что онъ принадлежитъ вдовѣ Кэрай и останется у нея. Вамъ лучше не ѣхать туда.

— Но мой довѣритель предъявляетъ претензію на одинъ лишь участокъ. Документы...

— Мы ничего не хотимъ знать о документахъ,—прервала она меня.—Рудокопы не обращаютъ вниманія на документы. Они никого не хотятъ пускать въ «Джековъ Котель».

Я не предвидѣлъ такой случайности и не получилъ на этотъ счетъ никакихъ инструкцій. Но наученный до нѣкоторой степени опытомъ, я сразу составилъ себѣ планъ дѣйствія.

— Ужасно!—сказалъ я.—Мнѣ дано порученіе изслѣдовать его.

— Я не долженъ былъ брать васъ съ собою,—сказалъ смотритель, съ сожалѣніемъ покачивая головой,—но я не ожидалъ этого.

— Да, скоро они пронюхали о васъ,—воскликнула миссъ Бессъ.—Онъ, впрочемъ, нашелъ бы другой экипажъ.

— Но я не нашелъ его,—отвѣчалъ я.

— Вы рѣшили во чтобы ни стало довести дѣло до конца?—спросилъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ я.

— Вы, я вижу, совсѣмъ не понимаете, въ чемъ дѣло,—сказалъ смотритель.—Во-первыхъ, вы не найдете ночлега въ Эбенезеръ-Пуантѣ.

— Найдеть,—отвѣчала его племянница.—Онъ можетъ помѣститься здѣсь.

— Да, сегодня вечеромъ.—отвѣчалъ ей дядя.—А завтра я перевезу его въ магазинъ.

— Нѣтъ, онъ можетъ оставаться здѣсь. Пусть попытается, если хочетъ,—сказала рѣшительнымъ тономъ Бессъ.

Смотритель пожалъ плечами.

— Сама себѣ устроила похороны, Бессъ,—сказалъ онъ.

Миссъ Бессъ стояла очевидно во главѣ этого дома; она никогда не шумѣла, а между тѣмъ дѣлала все по своему. Я поѣлъ съ аппетитомъ и проспалъ всю ночь великолѣпно, нисколько не безпокоился о заговорѣ, существующемъ повидимому въ окрестностяхъ «Джекова Котла». Мнѣ хотѣлось только знать, было ли из-

вѣстно Шеду о могущихъ возникнуть спорахъ, а также, въ чемъ заключалась собственно причина ихъ; но за ужиномъ мы касались любыхъ вопросовъ, только не этого.

Миссъ Бессъ была дѣвушка съ характеромъ и гордилась своей свободой и сужденіями. Она много разспрашивала меня о Нью-Йоркѣ, о театрахъ и модахъ. Но повидимому нисколько не заботилась о тѣхъ непріятностяхъ, которыя ждали ея гостя, а благодаря ему, и ее самое.

Въ душѣ я упрекалъ ее за безпечность, не подозрѣвая того, что умъ ея дѣятельно работаетъ, какъ я убѣдился въ этомъ на слѣдующій день.

Я двинулся въ путь послѣ завтрака, заручившись кое-какими свѣдѣніями у Стентона, какъ звали смотрителя амбаровъ. Онъ повидимому несерьезно относился къ моему предпріятію и былъ увѣренъ, какъ мнѣ показалось, что черезъ часъ или два я вернусь обратно съ поджатымъ хвостомъ. Миссъ Бессъ ничего не говорила за завтракомъ, а затѣмъ спросила, не измѣнилъ ли я своего намѣренія, и многозначительно кивнула мнѣ головой, услышавъ мой утвердительный отвѣтъ.

— Вы много чего видѣли на своемъ вѣку, мистеръ Уинслоу,—сказала она,—но вы не видѣли нашихъ ребятъ.

Это была непреложная истина, но она ничего не объясняла мнѣ. Пуантъ-Эбенезеръ представлялъ собою уединенное мѣсто, окрестности котораго изобиловали празднующимися. Я ждалъ какой-нибудь шутки со стороны рудокоповъ, но никогда не думалъ, чтобы они могли серьезно перейти къ дѣйствию. «Джековъ Котель» находился на разстояніи одной мили отъ амбаровъ Стентона, и я отправился туда верхомъ на лошади; я проѣхалъ четыреста ярдовъ, когда увидѣлъ десять человѣкъ съ ружьями, а на заднемъ планѣ еще нѣсколько человѣкъ.

— Ваше имя Уинслоу?—спросилъ стоявшій впереди, подходя ко мнѣ.

— Да,—отвѣчалъ я.

Онъ оглянулся и сказалъ нѣсколько словъ ближайшему товарищу, а затѣмъ спросилъ меня:

— Представитель Шлосса?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Онъ взглянулъ на меня и опять что-то сказалъ стоявшимъ позади него.

— Шеда?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— О, это все равно, вы не проскользнете туда!

— Я получилъ инструкціи; — началъ я...

— Можете получать какія угодно инструкціи, мой сынокъ, можете приводить какіе угодно законы, — перебилъ онъ меня, — это насъ не касается. Мы не признаемъ здѣсь закона.

Въ карманѣ у меня былъ револьверъ. Мнѣ не разъ уже приходилось пользоваться имъ въ чуждыхъ мнѣ уголкахъ. Я протянулъ руку къ нему.

— Руки вверхъ!—крикнулъ молодой парень, стоявшій въ десяти шагахъ.

— Держись крѣпче, Никъ! — крикнулъ ему другой.

— Послушайте,—сказалъ я,—я хочу знать, въ чемъ тутъ дѣло. Владѣлецъ одного изъ участковъ прислалъ меня сюда, чтобы изслѣдовать его.

— Не думаю, чтобы вдова Кэрай прислала васъ сюда,—проворчалъ парень съ угрюмымъ и необыкновенно грознымъ лицомъ.

— Я вижу, что вы не хотите пропустить меня,—продолжалъ я.

— Да вамъ не попастьъ, это вѣрно,—отвѣтилъ тотъ, который раньше всѣхъ говорилъ со мною.

Я никогда не былъ человѣкомъ безразсуднымъ и не имѣлъ никакого намѣренія вступать въ борьбу съ этими людьми, но я машинально опустилъ руку, и молодой парень Никъ заподозрилъ меня, вѣроятно, въ желаніи защищаться. Какъ-никакъ, но онъ выстрѣлилъ, и пуля пронизала мой сюртукъ. Парень былъ въ возбужденномъ состояніи и сдѣлалъ это, повидимому, сгоряча.

— Не могу сказать, чтобы выстрѣлъ былъ удачный,—сказалъ я, осматривая свой сюртукъ.

— Перестань, Никъ, сумасшествовать,—крикнулъ мой первый собесѣдникъ.—Мы ничего рѣшительно не имѣемъ противъ васъ, молодой человекъ,—сказалъ онъ.—Характеръ у васъ, видно, упорный. А все-таки совѣтую вамъ вернуться обратно, пока выстрѣлы не расходились.

Я поблагодарилъ его и, любезно раскланявшись съ нимъ, повернулъ лошадь назадъ. Какъ видите, я ничего не могъ сдѣлать. Я совершилъ небольшую прогулку, раздумывая о случившемся, и пришелъ къ заключенію, которое было далеко не въ пользу старой гвардіи Эбенезера. Какъ былъ я удивленъ, когда, вернувшись обратно, замѣтилъ совсѣмъ другое къ себѣ отношеніе со стороны миссъ Бессъ. Она слышала выстрѣлы и встрѣтила меня съ большимъ участіемъ.

— Хенку Хобдею слѣдовало бы смотрѣть за собственными своими дѣлами, а не устраивать баррикады у «Джекова Котла»,—сказала она.—Что касается Ника Гарвея, онъ ни одного слова не услышитъ больше отъ меня.

Она осмотрѣла мой сюртукъ и хотѣла во что бы то ни стало починить его.

— Боже мой! Насквозь могла пронизать васъ, пройди она на одинъ дюймъ ближе,—воскликнула она.

Я и самъ хорошо это зналъ, но ничего ей не отвѣтилъ; я сказалъ только, что толпа, по моему мнѣнію, не особенно здѣсь буйная. Миссъ Бессъ вспыхнула при этихъ словахъ, задѣтая за живое моимъ отношеніемъ къ Эбенезеру.

— Очень ошибаетесь,—сказала она.—Вы думаете, что все это шутки, не смотря на пушечную въ васъ пулю. Вы не знаете нашихъ ребятъ, а потому совѣтую вамъ остерегаться; Никъ Гарвей не такъ легкомысленно смотритъ на это дѣло, и вы уже поплатились, а кромѣ него есть еще

старый, сѣдой безумецъ Недь Персонъ. Разъ вы хотите оставаться здѣсь, смотрите на вещи съ настоящей точки зрѣнія.

— Мнѣ кажется,—сказалъ я, не спуская съ нея глазъ,—что я достаточно вознагражденъ за то, что въ меня здѣсь стрѣляли.

Она поняла, что я хотѣлъ сказать, и покраснѣла.

— О, я далеко, не сторонница болтовни, присущей ласкѣ,—сказала она.

Не думаю однако, чтобы она разсердилась, судя по тому, какъ она держала себя вечеромъ, когда къ намъ явилась депутація. Въ составъ послѣдней входилъ и Хенкъ Хобдей, въ которомъ я призналъ предводителя толпы, устроившей мнѣ обструкцію. Это былъ высокій, рыжій человѣкъ съ бородой и громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ. Сначала я не видѣлъ его, а только слышалъ, пока Стентонъ не заглянулъ ко мнѣ въ комнату.

— Выходите-ка лучше, да послушайте, что говорятъ,—сказалъ онъ,—дѣло касается васъ.

Хенкъ Хобдей разговаривалъ съ миссъ Бессъ, когда я вышелъ, и даже не взглянулъ на меня.

— Мы никакого зла не хотимъ молодому человѣку. Мы ничего не имѣемъ противъ него. Я думаю, что онъ для того собственно и прѣхалъ, о чемъ говорить. Мы не желаемъ зла молодому человѣку.—Здѣсь онъ обратился ко мнѣ.—Послушайте, сыночекъ, моего совѣта и уѣзжайте. Мы ничего не имѣемъ противъ васъ. Вы правы.

— Любезный мистеръ Хобдей,—сказалъ я,—отказывались вы когда-нибудь отъ взятаго на себя дѣла?

Съ минуту онъ молча смотрѣлъ на меня.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никогда.

— И я нѣтъ,—отвѣчалъ я.

На лицѣ его мелькнула злобная улыбка.

— Я не отрицаю, что васъ послали,—сказалъ онъ,—но я думаю, что у васъ такая безразсудная голова, какая

рѣдко встрѣчается на плечахъ человѣка. Такихъ безразсудныхъ головъ не хватаетъ надолго.

Въ словахъ его слышалась угроза, которая звучала тѣмъ страшнѣе, что была произнесена безстрастнымъ голосомъ. Быть можетъ, это было скорѣе предостереженіе, чѣмъ угроза, и дружескій совѣтъ. Я привѣтливо поклонился ему; онъ всталъ и направился къ выходу.

— Спокойной ночи, Джимъ Стентонъ,—крикнулъ онъ съ порога.—Теперь ваше дѣло, я сдѣлалъ свое. Дверь закрылась за нимъ.

— И вы все-таки не уѣдете отсюда?—крикнула дѣвушка, глядя мнѣ прямо въ глаза.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Неужели вы думаете, что я могу уступить?

Она молча смотрѣла на меня, думала о чемъ-то, и, наконецъ, опустила глаза.

Въ то время я никакъ не могъ уяснить себѣ, что произошло послѣ этого разговора, и только позже понималъ все, какъ вы увидите. На слѣдующее утро я былъ у входа въ «Джековъ Котель» съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ и, къ удивленію своему, никого не встрѣтилъ на своемъ пути. На первый взглядъ мнѣ показалось, что тамъ никого нѣтъ, но затѣмъ я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, которые были, повидимому, заняты повседневной работой. Удивляясь такому положенію вещей, я поспѣшилъ спуститься къ мѣсту работы. Все утро провелъ я въ рудникѣ и вернулся къ полудню домой. Миссъ Бессъ сидѣла за завтракомъ; Стентона не было дома. Она съ любопытствомъ взглянула на меня, но ничего не спросила, и это показалось мнѣ страннымъ. Я вкратцѣ разсказалъ ей обо всемъ; она не выразила ни малѣйшаго удивленія, и это показалось мнѣ еще болѣе страннымъ.

— Очень рада,—сказала она.—Образумились, наконецъ, надо полагать.

Я согласился съ ней, но про себя подумалъ, что врядъ-ли это такъ.

Мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, что атмосфера въ рудникахъ была пропитана чѣмъ-то зловѣщимъ. Днемъ я снова поѣхалъ туда; меня повидимому предоставили самому себѣ, и никто не прерывалъ моихъ занятій. Выходя изъ рудника, я увидѣлъ длинноногаго, тошаго молодца; онъ сидѣлъ въ ста шагахъ отъ меня и жевалъ табакъ, время отъ времени сплевывая табачный сокъ на землю. Онъ ни разу не взглянулъ въ мою сторону. Это очень удивило меня.

Было еще свѣтло, когда я возвращался домой, неподалеку отъ амбаровъ я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ, бродившихъ повидимому безъ всякаго дѣла. Времени свободнаго у меня оставалось еще много, а такъ какъ Пуантъ не представлялъ никакой привлекательности для меня, то я рѣшилъ составить докладъ о своемъ изслѣдованіи, поздравляя себѣ съ тѣмъ, что мнѣ скоро придется распрощаться съ нелюбезной эбенезеровской компаніей. Написавъ письмо Шеду и приложивъ къ нему свой докладъ, я вышла. Стентонъ сидѣлъ въ маленькой комнатѣ напротивъ и курилъ огромную сигару. Онъ окликнулъ меня:

— Вы собираетесь на почту?—спросилъ онъ, когда я вошелъ къ нему.

Я кивнулъ ему головой. Онъ нѣсколько разъ потянулъ дымъ и выпустилъ его.

— Сдается мнѣ, вы нажили себѣ много непріятностей,—сказалъ онъ.—Безумецъ этотъ передалъ все дѣло мнѣ...

— Что это значитъ?—воскликнулъ я.—Неужели, находясь въ центрѣ цивилизаціи, я не могу отправить письма?

— Весь вопросъ въ томъ, удастся ли вамъ проѣхать до Хорена —сказалъ онъ.—Приподымите, пожалуйста, кончикъ занавѣски.

Я повиновался.

— Что вы видите?

Несмотря на сумракъ, я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, бродившихъ по

дорогѣ, а въблизи амбаровъ еще одного и притомъ исполинскаго роста. Я сказалъ Стентону.

— Ахъ!—Онъ вынулъ сигару изъ рта.—Нѣтъ ничего удивительнаго, если они простоятъ здѣсь всю ночь.

Я начиналъ понимать, но мнѣ хотѣлось узнать все досконально.

— Вы хотите сказать, что люди эти не позволяютъ мнѣ отправить письмо на почту?—спросилъ я.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ онъ.—Они, видите ли, выжидаютъ пока...—Бессъ уговорила ихъ. Она, то-есть Бессъ, ловко поступила. Она сказала имъ, что будетъ гораздо умнѣе прослѣдить за вами и задержать ваше письмо. Больше всего старалась она около Хобдея, и онъ былъ очень этимъ польщенъ.

— Такъ вотъ почему меня пропустили туда!—спросилъ я.

— Да, потому-то васъ и пропустили туда,—отвѣчалъ онъ.—Теперь начнется дѣйствіе третье. Бессъ называетъ это дѣйствіемъ. Что случится въ третьемъ дѣйствіи, я не знаю. Говорятъ, что критическій моментъ наступитъ въ этомъ именно дѣйствіи. Игра началась уже, какъ мнѣ кажется.

— Да,—отвѣчалъ я, стараясь въ то же время обдумать, какъ лучше поступить.—Какъ бы тамъ ни было,—продолжалъ я рѣшительно,—а я попытаю счастья.

Стентонъ всталъ и погасилъ сигару.

— Попробуйте, если хотите,—сказалъ онъ,—время только потеряете напрасно. Къ тому же, не забывайте, что вы кое-чѣмъ обязаны мнѣ и Бессъ.

— Да, любезный сэръ, я это знаю,—отвѣчалъ я.—Я многимъ обязанъ вамъ и буду вѣчно благодаренъ, если вы скажете, чѣмъ я могу уплатить вамъ свой долгъ... и я сейчасъ же это сдѣлаю.

На лицѣ Стентона мелькнуло выраженіе насмѣшки.

— Я и самъ могъ бы разрѣшить вамъ доставить письма на почту.—

Я молчалъ, ожидая, что онъ скажетъ дальше.—Я не рѣшаюсь только изъ-за пистолета Хенка... стрѣлокъ онъ ловкій,—прибавилъ онъ задумчиво.

Я удивился.

— Любезный сэръ,—началъ я...

Онъ выпустилъ облако дыма.

— Все это, видите ли, устроила Бессъ, а я, признаюсь, не вижу, чѣмъ все это кончится. Да и она, я думаю, не знаетъ. Все дѣло сводится сейчасъ къ тому, что мы въ карантинѣ и будемъ въ немъ, пока у нихъ въ рукахъ не будетъ вашего доклада. О, они кремень, эти ребята!

Онъ поднялъ глаза къ потолку, какъ бы раздумывая о томъ, что сказалъ.

Я былъ пораженъ. Мнѣ казалось, что я накликалъ несчастье на ни въ чемъ неповинныхъ, скромныхъ и добродушныхъ людей, хотя сдѣлалъ все это помимо своей воли. Въ первую минуту я совсѣмъ растерялся, но затѣмъ пришелъ въ себя и сказалъ:

— Я могу разрубить узелъ... это совсѣмъ не такъ трудно. Они получатъ мой докладъ, и вы будете освобождены отъ надзора.

— Нѣтъ!

Я оглянулся назадъ, услыша такое рѣшительное отрицаніе, и увидѣлъ миссъ Бессъ; она стояла на порогѣ, и глаза ея метали искры.

— Дядя, вы не должны способствовать тому, чтобы мистеръ Уинслоу измѣнилъ своему довѣрителю,—сказала она.—Онъ останется здѣсь, и мы будемъ охранять его.

— Твоя игра, Бессъ!—сказалъ Стентонъ.

Такъ оно и было. Миссъ Бессъ была вооружена и сильно взволнована. Нарушить гостепріимство она не согласилась бы ни ради какихъ бы то ни было Хобдеевъ и Гарвеевъ.

— Онъ не долженъ отдавать того, на что имѣетъ право,—былъ ея ультиматумъ.—Пусть докладъ остается у него; ему заплатили за это, и онъ исполнилъ свой долгъ, какъ и мы съ тобою, дядя!

— Твой аргументъ не терпитъ никакихъ возраженій,—сказалъ Стентонъ.—Ты права, Бессъ! Разъ ты можешь это выдержать, могу и я. Вотъ уже три года, какъ я ни разу не пользовался каникулами.

Рѣшено было такимъ образомъ, что я въ эту ночь не буду тревожить своихъ часовыхъ, но къ тому времени, какъ идти спать, я составилъ въ своей головѣ нѣкоторый планъ. Мнѣ была ненавистна мысль, что домъ подвергнутъ блокадѣ и я долженъ сидѣть въ немъ, словно безгласная овца, а потому, дождавшись разсвѣта, я всталъ и одѣлся. Я пришелъ къ тому заключенію, что докладъ можно не оставлять дома, ибо дѣло не пострадаетъ ни въ томъ случаѣ, когда они найдутъ его у меня, ни въ противномъ. Я положилъ револьверъ въ карманъ и вышелъ.

Кругомъ не было видно ни единой души, за исключеніемъ какой-то фигуры, скорчившейся подъ окномъ амбара и исполнявшей, очевидно, роль сторожа. Я прошелъ полмили по направлению къ Хорену, прежде чѣмъ меня остановили. Изъ-за кустовъ впереди меня выскользнулъ какой-то неумытый, заспанный человѣкъ.

— Не лучше ли будетъ вернуться назадъ,—сказалъ онъ, протирая глаза. Въ одну секунду накинулъ я на него арканъ, и ружье его, не причинивъ мнѣ никакого вреда, выстрѣлило на воздухъ. Я оставилъ его лежащимъ на землѣ и отправился дальше; не прошелъ я и ста шаговъ, какъ увидѣлъ бѣгущаго человѣка съ ружьемъ. Это былъ старикъ, и я, судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, догадался, что это Недъ Персонъ.

— Послушайте,—сказалъ старикъ,—не видѣли вы молодца, который ѣздилъ въ «Джековъ Котелъ»?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я и самъ ищу его.

— Я слышалъ выстрѣлъ,—продолжалъ старикъ,—и побѣждалъ. Я думалъ, что мнѣ удастся поймать его.

— И поймали бы, конечно, если бы увидѣли, — сказалъ я, усаживаясь на кучу камней у дороги.

Онъ сѣлъ рядомъ со мной.

— Изъ артели Гордона? — спросилъ онъ меня.

— Да, — отвѣчалъ я.

— Я думаю, вы хорошо владѣете ружьемъ, — сказалъ онъ послѣ небольшой паузы. — Я такъ ни разу еще не промахнулся въ своей жизни. Попадись мнѣ молодецъ изъ «Джекова Котла», ему не пришлось бы нанимать лошади, чтобы вернуться домой.

— И по моему нѣтъ, — отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, сэръ! — сказалъ онъ и принялся угощать меня рассказами о стрѣльбѣ и примѣрахъ отваги въ Калифорніи и Аризонѣ.

Я же сидѣлъ и думалъ о томъ, какой предлогъ найти мнѣ, чтобы уйти отъ него; предлогъ нашелся въ одно мгновеніе ока: я увидѣлъ человѣка, который бѣжалъ такъ скоро, какъ будто за нимъ гнался самъ чортъ. Я всталъ.

— Вотъ тамъ бѣжитъ кто-то... онъ, пожалуй, и есть тотъ самый, котораго вы ждете, — сказалъ я, поспѣшно удаляясь отъ него.

До Хорена оставалось всего четверста ярдовъ; я могъ свободно добратъ-ся до него и сдать тамъ мое письмо. Но я рассчитывалъ безъ двухъ послѣдующихъ эпизодовъ. Во-первыхъ, старикъ Персонъ вскочилъ на ноги и выстрѣлилъ въ бѣжавшаго человѣка, въ которомъ я призналъ Ника Гарвея; послѣдній повернулся и пустился ѣгомъ прочь... Я слышалъ, какъ онъ зскрикнулъ. Больше я ничего не видѣлъ, такъ какъ безъ оглядки спѣшилъ въ Хоренъ.

Я поздравлялъ уже себя, что такъ удачно добрался до дома, когда случилось второе событіе. Съ веранды на переднемъ фасадѣ Хорена выскочилъ человѣкъ съ ружьемъ и прицѣлился въ меня. Рудокопы, какъ видно, вездѣ стояли на часахъ. Стоило мнѣ только побѣжать — и я былъ бы убитъ; я поспѣшилъ поэтому уклониться

влѣво, гдѣ находилась открытая мѣстность, позади которой начинался Пуантъ.

Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что за мною гонятся три человѣка — тотъ, что выскочилъ съ веранды, затѣмъ Никъ Гарвей и мой пріятель Недъ Персонъ. Послѣдній отсталъ отъ двухъ первыхъ; признаюсь, что я боялся его больше двухъ остальныхъ, ибо мнѣ удалось провести его. Я призывалъ на помощь свои ноги и пустился, словно кроликъ, когда онъ спѣшитъ скрыться въ своей норѣ.

Я добѣжалъ, наконецъ, до амбаровъ. Миссъ Бессъ впустила меня; глаза ея были широко открыты, и она тяжело дышала отъ испуга.

— Васъ ранили? — спросила она, и, когда я отрицательно покачалъ головой, она поспѣшно выглянула на дорогу. — Кто-то былъ, однако, раненъ, — сказала она.

Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, что она держитъ ружье въ рукѣ. Меня больше не преслѣдовали, но я увидѣлъ тамъ еще четвертаго человѣка; всѣ они остановились неподалеку отъ амбаровъ.

Ясно становилось во всякомъ случаѣ, что такое положеніе вещей не можетъ долго продолжаться. Я не считалъ себя вправѣ навязывать людямъ свое непріятное общество и сказалъ это въ тотъ же день Стентону. Дѣвушки я не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла, а его засталъ въ конторѣ.

— Что такъ? Мы, кажется, ничѣмъ не выразили вамъ своего неудовольствія, — сказалъ онъ.

— Тѣмъ это чувствительнѣе для меня, — отвѣчалъ я.

— Никто изъ насъ не пострадалъ, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Пуля пригладилла волоса Нику Гарвею. Мало еще получилъ по заслугамъ. Виль Ленъ ушибъ себѣ лодыжку, а я наслаждаюсь каникулами. Сдается мнѣ, что мы можемъ спокойно оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ теперь находимся.

— А я думаю попытаться еще разъ и бѣжать,—отвѣчалъ я.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня.

— Не знаю, удастся ли это вамъ,—сказалъ онъ.—Они, какъ видите, хотятъ во что бы то ни стало получить отъ васъ докладъ.—Онъ замолчалъ.—Они сегодня же вечеромъ хотятъ за-получить его.

— Неужели вы думаете, что докладъ этотъ можетъ имѣть для нихъ такое важное значеніе?—спросилъ я.—Мнѣ кажется, они преувеличиваютъ это значеніе.

— Всѣ они очень взволнованы,—отвѣчалъ Стентонъ.—Они получили извѣстіе изъ Огайо, что вдова Кэрай вышла замужъ.

— Вышлазамужъ?—переспросилъ я.

— Да! И они хотятъ во-время привести все въ порядокъ, чтобы заново составить условіе.

— Понимаю,—отвѣчалъ я.—Такъ они грозятъ сдѣлать на меня набѣгъ сегодня вечеромъ?

— Да,—сказалъ онъ и затѣмъ прибавилъ съ сожалѣніемъ.—Бессъ сдѣлала большую ошибку, что оставила васъ здѣсь. Мы виноваты передъ вами, мистеръ Уинслоу!

— Вы ни въ чемъ не виноваты,—поспѣшилъ я отвѣтить,—и миссъ Бессъ не могла сдѣлать ошибки.

— Не знаю,—сказалъ онъ и, взглянувъ на меня, открылъ было ротъ, собираясь что-то сказать, но промолчалъ и снова принялся за сигару.

Миссъ Бессъ я увидѣлъ только въ четыре часа пополудни. Она вошла, вся раскраснѣвшаяся и взволнованная, но видимо торжествующая.

— Мистеръ Стентонъ, — началъ я,—говорить, будто вы съ нимъ виноваты передо мной, но я думаю, что онъ не совсѣмъ хорошо уяснилъ себѣ это дѣло и перепуталъ наши роли. Я искренно сожалѣю о случившемся и прошу васъ простить меня. Я вовлекъ васъ въ большую непріятность, но даю вамъ слово, что сегодня же ночью уйду отсюда.

— Вы!—воскликнула она, и на губахъ ея мелькнула улыбка.—И ребята также собираются уйти сегодня ночью.

— Круговое, слѣдовательно, исчезновеніе,—сказалъ я.

Она была очень любезна со мной, а сидя за ужиномъ, расспрашивала меня о Востокѣ и сказала, что была въ штатѣ Мэнъ, гдѣ живетъ ея двоюродный братъ. Слушая нашъ разговоръ, можно было подумать, что я собираюсь совершить пріятную прогулку въ Вашингтонъ вмѣсто того, чтобы совершить вылазку изъ осажденнаго дома. Ужинъ приходилъ къ концу, когда я замѣтилъ, что миссъ Бессъ прислушивается къ чему-то. Спустя нѣсколько минутъ она подошла къ окну и выглянула изъ него. Не прошло и получаса, какъ послышался громкій стукъ въ двери; она открыла ихъ, и въ комнату ввалилось полдюжины здоровыхъ молодцовъ въ костюмѣ горныхъ жителей.

Я подумалъ, что они пришли за мной, и въ душѣ моей проснулось смутное неудовольствіе при мысли о томъ, что миссъ Бессъ оказалась измѣнницей и открыла врагу ворота крѣпости. Но она скоро разсѣяла мои подозрѣнія:

— Четверть часа на каждый промежутокъ, Джекъ,—сказала она красивому молодому человѣку съ цвѣтущимъ румянцемъ на щекахъ.

— Слышали, ребята?—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.—Тебѣ первому, Лука. Было бы недурно, Бессъ, освѣжиться тѣмъ временемъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

Но Бессъ въ строгости и твердости характера не уступала и самому Наполеону. Я не ошибся; ребята перекинулись нѣсколькими, словами, и Джекъ кивнулъ головой одному изъ нихъ, который тотчасъ же всталъ, взялъ шапку и вышелъ. Бессъ тотчасъ же подбѣжала къ окну; я рѣшилъ не трогаться съ мѣста, не смотря на снѣдавшее меня любопытство. Нѣсколько времени мы сидѣли молча и ждали; наконецъ Джекъ снова

кивнулъ головой, и второй человѣкъ всталъ; старый Стентонъ хихикнулъ у себя въ углу, когда и этотъ парень вышелъ. Джекъ выглянулъ изъ окна.

— Вотъ уже два,—сказалъ онъ;—второй у Джемса Форка.

Когда же изъ комнаты вышелъ третій парень, я не въ силахъ былъ больше выдерживать и, подкравшись незамѣтно къ Стентону, спросилъ его.

— Что это за новая игра? Не могу ли я принять въ ней участіе?

Онъ вынулъ сигару изъ рта.

— Полагаю, что Бессъ сама пригласить васъ,—отвѣчалъ онъ.—Игра придумана ею и весьма искусно.

— Такъ вы полагаете, что и меня познакомятъ съ нею,—пробормоталъ я.

— Разумѣется... я не вижу причины, мѣшающей познакомить васъ съ нею,—сказалъ онъ.—Всѣ эти парни съ «Золотой Рѣки» изъ артели Джека Форрестера, а что Бессъ скажетъ, то Джекъ и сдѣлаетъ. Они, видите ли, очищаютъ путь для васъ. Подите и посмотрите.

Я подошелъ къ окну, когда четвертый парень исполнилъ данное ему порученіе. Я увидѣлъ, что онъ, вскочивъ на лошадь, понесся внизъ по дорогѣ; человѣкъ, стоявшій у амбаровъ, въ которомъ я призналъ Ника Гарвея, въ свою очередь вскочилъ на лошадь и помчался по его слѣдамъ. Глаза мои сразу открылись на все, что происходило; я со смѣхомъ повернулся къ сидѣвшимъ въ комнатѣ.

— Миссъ Бессъ,—сказалъ я,—если бы вы родились сорокъ лѣтъ тому назадъ, война кончилась бы въ одну недѣлю.

Она сильно покраснѣла, но ничего мнѣ не отвѣтила, а сдѣлала знакъ Джеку, который снова кивнулъ головой, и изъ комнаты вышелъ пятый человѣкъ. Я замѣтилъ при этомъ, что они получали приказаніе держаться разныхъ направленій. Скоро у амбаровъ не осталось ни одного изъ осаждающихъ.

Вскорѣ послѣ этого вышла сама Бессъ и понеслась галопомъ, а слѣ-

домъ за нею самъ Хенкъ Хобдей. Болѣе граціозной всадницы, чѣмъ Бессъ, я никогда еще не видѣлъ.

— Теперь очередь наша,—сказалъ мнѣ, улыбаясь, Джекъ.—Если намъ не удастся поддѣть вотъ эту деревянную фигуру за угломъ, мы завяжемъ въ тинѣ.

Я вскочилъ, радуясь тому, что наступила минута дѣйствія и, прежде чѣмъ кто-либо могъ свистнуть, я былъ уже на сѣдлѣ. Джекъ послѣдовалъ за мной и не успѣли мы отбѣхать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ человѣкъ, дежурившій за угломъ, пустился догонять насъ, призывая кого-то на помощь.

— Не лучше ли будетъ,—сказалъ Джекъ,—если мы свернемъ на Уорренъ и оставимъ въ сторонѣ Аутремъ?

Мы пустили лошадей легкимъ галопомъ и выѣхали на открытую мѣстность, словно джентльмены, которые катаются отъ нечего дѣлать. Вдали на небольшомъ возвышеніи я увидѣлъ двухъ вадниковъ и еще двухъ, когда взглянулъ влѣво отъ себя. Ясно было, что кто-то весьма искусно обдумалъ заранѣе всю эту игру. Мы замѣтили, что насъ преслѣдуютъ только послѣ того, какъ обогнули выступъ холма. Надо полагать, что человѣкъ, скрывавшійся за угломъ амбаровъ, собралъ остальныхъ стражей Пуанта, и всѣ они, словно воплощенная месть, неслись полнымъ галопомъ по нашимъ слѣдамъ, и я, взглянувъ въ ихъ сторону, сразу понялъ, что съ ними не легко будетъ сговориться. Джекъ, увидя преслѣдователей, прищипорилъ свою лошадь, и я послѣдовалъ его примѣру. Я понималъ, что онъ спѣшитъ подѣ защитѣ кустовъ, которые росли по ту сторону рѣки, огибавшей выступъ холма.

Но не успѣли мы перебраться въ бродъ черезъ рѣку, какъ показалась другая партія, мчавшаяся на насъ съ правой стороны. Я узналъ Хенка Хобдея и одного изъ ребятъ съ «Золотой Рѣки», позади которыхъ ѣхала сама Бессъ.

Джекъ, успѣвшій скрыться въ кустахъ, занялся осмотромъ ружья и тѣмъ же занялся одинъ изъ трехъ замѣченныхъ раньше человѣкъ, который ѣхалъ впереди и теперь спѣшился съ лошади. Въ эту минуту къ намъ подъѣхалъ Хобдей.

Словно воплощенная месть,
они неслись полнымъ галопомъ.

— Наша взяла, надо полагать,— сказалъ онъ. — Держитесь крѣпче и глядите въ оба.

— Не будьте такъ самоувѣренны, Хенкъ,— крикнулъ Джекъ изъ-за кустовъ.

— Четверо противъ трехъ, если тамъ окажется и человѣкъ «Джекова Котла»,— сказалъ Хенкъ.

— Не знаю, здѣсь онъ или нѣтъ,— сказала Бессъ. — Чего собственно нужно Эбенезерскому Пуанту?

— Нужно кое-что, — отвѣчалъ Хенкъ. — Пусть отдастъ добровольно, не то мы сами возьмемъ у него.

Джекъ громко засмѣялся.

— Вы повидимому воображаете, что можете приказывать на «Золотой Рѣкѣ», какъ у себя въ Эбенезерскомъ Пуантѣ? — крикнулъ онъ сердито. — Даю вамъ двѣ минуты сроку.

Бессъ отъѣхала въ сторону. Запахло кровью, и я поспѣшилъ выѣхать изъ кустовъ.

— Вы, какъ я вижу, хотите выяснить одно недоразумѣніе? — сказалъ я. — Я заработалъ свои деньги и все устроилъ. Я подумалъ и о вдовѣ Керай и могу преподнести ей № 2 емѣсто свадебнаго подарка.

— Гм! — промычалъ Хенкъ.

Я вынулъ изъ кармана свой докладъ.

— Вотъ моя подписка на подарокъ: докладъ о «Джековомъ Котлѣ», — сказалъ я.

Хенкъ взялъ его и взглянул на меня.

— Можете поклясться, что здѣсь нѣтъ фальши?—спросилъ онъ.

— Клянусь... клянусь именемъ миссъ Бессъ,—отвѣчалъ я.

Это, повидимому, успокоило его; онъ развернулъ докладъ и прочиталъ. Выраженіе его лица при этомъ сразу измѣнилось.

— Я всегда говорилъ, что вся эта штука выйдетъ наружу,—сказалъ онъ, хлопая по сѣдлу.—Всегда говорилъ, что, кромѣ шелухи, ничего въ немъ нѣтъ. Надѣюсь, что ребята будутъ вѣрить теперь моимъ словамъ.—Онъ снова взглянулъ на меня и по лицу его расплылась широкая улыбка.—Вы отъ Шеда?

— Разумѣется,—отвѣчалъ я.

— Я въ такомъ случаѣ удержу это, чтобы преподнести вдовѣ Керай, «возродившейся» въ мистриссъ О'Флахерти,—сказалъ онъ.—Ребята, игра кончена,—продолжалъ онъ.—Нашъ «Джековъ Котель» не стоитъ и одного воза какой-нибудь клади, и я всегда былъ увѣренъ въ этомъ. Нашъ посѣтитель можетъ уѣхать, когда захочетъ, и отправлять на почту все, что хочеть.

Онъ кивнулъ головой, и вся компанія, кромѣ него самого, скоро скрылась изъ виду.

— Заварили кашу, нечего сказать,—воскликнулъ Хенуэй, разряжая свое ружье.

— Сожалѣю,—сказалъ я, обращаясь къ миссъ Бессъ, глаза которой метали молніеносныя искры,—глубоко сожалѣю, что зашелъ такъ далеко. Я долженъ былъ сразу сказать, что въ рудникѣ, кромѣ каменнаго угля, ничего нѣтъ. Я долженъ былъ сразу показать имъ свой докладъ.

— Напротивъ, вамъ незачѣмъ было давать его,—съ раздраженіемъ крикнула она.

Вѣрьте мнѣ или нѣтъ, а это былъ единственный результатъ всего случившагося. Она не разсердилась на меня, какъ могла бы разсердиться за то, что я далеко завелъ такое ничтожное дѣло. Она напротивъ простила мнѣ, хотя мы долго спорили объ этомъ во время обѣда въ Уорренъ, на когоромъ она и Джекъ присутствовали въ качествѣ моихъ гостей. Но я остался при томъ убѣжденіи, что она предпочла бы съ моей стороны борьбу до послѣдней крайности.

Дѣвушка была безъ сознанія..

— РѢШЕНІЕ БИЛІА —

Разсказъ У. МАКЪ НЕТТА.

ГОРЯЧЕЕ дыханіе утомленныхъ упряжныхъ собакъ долго висѣло въ холодномъ воздухѣ бѣлыми клочками. Двѣ закутанныя человѣческія фигуры, которыя шли рядомъ съ визжавшими санками, псы-маламуты и самыя сани, — все казалось призраками въ этой мертвенной области льда и снѣга. Они пересѣкали огромную бѣлую впадину, кое-гдѣ испещренную хвойными де-

ревьями и обрамленную невысокими, расплывчатыми въ мгlistомъ воздухѣ, горами. Это былъ міръ Аляски въ срединѣ зимы, міръ черныхъ тѣней и призрачной бѣлизны.

Вотъ южная сторона горизонта окрасилась слабымъ оранжевымъ свѣтомъ. Пятно разгоралось. На безоблачное холодное небо поднялись ярко розовые и золотистые свѣтовые столбы.

Мертвенный міръ, точно по мановенію голшебнаго жезла, ожилъ, превратился въ фантастическую страну, усыпанную мірадами драгоцѣнныхъ камней. Эту удивительную перемѣну произвело приближеніе еще скрытаго солнца. На снѣгу заиграли тона радуги.

Очень высокій человѣкъ, который шелъ впереди, остановился самъ и велѣлъ остановиться собакамъ. Его малорослый, тщедушный спутникъ быстро опустился, почти упалъ на грузъ, привязанный къ санямъ. Первый (его звали Биль Хиненъ) прошелъ вдоль ряда запряженныхъ лускомъ собакъ, въ видѣ ласки бросивъ каждой изъ нихъ ругательство. Хиненъ былъ трапперъ, изыскатель, рудокопъ, котораго въ Аляскѣ знали и уважали рѣшительно всѣ, какъ человѣка сильнаго, честнаго, энергичнаго, хорошо знакомаго со всѣми условіями этого дикаго, своеобразнаго края. Его компаньонъ, Тинъ Кенъ Гаррисъ, совсѣмъ не походилъ на него.

Только три черты были у нихъ общія: честность, мужество и выносливость. Маленькій Тинъ Кенъ съ блѣднымъ, желтымъ лицомъ казался кандидатомъ въ санаторію, но подъ его непривлекательной наружностью скрывались большой запасъ энергіи, способность переносить невѣроятныя лишения и трудности, совершать подвиги силы и терпѣнія.

— По крайней мѣрѣ двадцать миль за это утро,—весело похвалился Хиненъ, подходя къ санямъ.—Недурно? А? Двадцать миль!

— Убирайся ты съ твоими милями!—съ досадою отозвался Гаррисъ.—Жили мы въ Фербэнксѣ въ нашемъ бревенчатомъ прочномъ домѣ. Все было тамъ у насъ, какъ слѣдуетъ: на порядочныхъ окнахъ—порядочныя занавѣски, на койкахъ матрасы. Словомъ, все какъ у добрыхъ людей. И деньжатъ было достаточно, могли сидѣть на печи до весны. Такъ нѣтъ! Право, можно подумать, что ты не выносишь спокойной жизни. Являешься и говоришь: Тинъ Кенъ, мы отправляемся

въ Арнакъ. Боже ты мой милостивый! Арнакъ! Ну кто слыхивалъ, чтобы двое людей въ здоровомъ разсудкѣ, съ запасомъ денегъ, достаточнымъ, чтобы имъ можно было провести зиму, гдѣ угодно, отправились въ этотъ Арнакъ? Двѣсти семьдесятъ съ лишкомъ миль за полярный кругъ. И въ мѣсто, гдѣ на каждый дюймъ золотоносной почвы взяты заявки. Ни цента не приобрѣтешь! Стоило въ Фербэнксѣ явиться малому и пошептаться съ тобой,—и сейчѣ съ же въ путь... Да провались они всѣ вмѣстѣ съ этимъ Богомъ забытымъ поселкомъ...

— Зачѣмъ же ты отправился со мной, если тебѣ такъ этого не хотѣлось?—спросилъ Хиненъ.

— Я не могъ остаться,—отвѣтилъ Тинъ Кенъ.—Вѣдь безъ меня ты не двинулся бы съ мѣста, ты самъ отлично знаешь это.

— А я все-таки не уговаривалъ тебя.

— Знаю, что нѣтъ. Но останься я, ты началъ бы подѣзжать ко мнѣ и, въ концѣ концовъ, кончилось бы тѣмъ же. Кромѣ всего, я думалъ, что у тебя есть серьезная причина отправиться въ эту Богомъ забытую глушь.

Хиненъ медленно перевелъ духъ.

— Да такъ оно и есть,—былъ его короткій отвѣтъ.

— Почему же ты мнѣ не скажешь, въ чемъ дѣло?—жалобно проговорилъ Тинъ Кенъ.—Я имѣю право знать то, что тебя касается. Когда мы двинулись изъ Фербэнкса, я думалъ, дня черезъ два пути ты заговоришь со мной откровенно. Не тутъ то было! Я иду туда, куда мнѣ не хочется, а ты даже не скажешь мнѣ...

— Что это? Кажется, сани?—прервалъ его жалобы Биль.

Гаррисъ посмотрѣлъ по направленію взгляда своего друга и въ сѣверной части бѣлой пустыни увидѣлъ двигавшееся темное пятно. Оно спускалось съ откоса холма.

— Не знаю, да и знать не хочу. Мнѣ нужно знать, зачѣмъ мы тащимся въ Арнакъ,—буркнулъ Тинъ Кенъ.

— Да, сани, запряженные собаками, — спокойно продолжалъ Хиненъ, не обращая никакого вниманія на дурное настроеніе своего спутника. — И съ санками одинъ человѣкъ. Вѣроятно же всего, это почта изъ Арнака. Мы дождемся почтаря и покалякаемъ съ нимъ.

— Скажешь ты мнѣ, зачѣмъ мы тащимся въ этотъ уголь? — повторилъ Тинъ Кенъ.

Хиненъ повернулся и пристально посмотрѣлъ на него.

Этотъ взглядъ имѣлъ поразительное дѣйствіе, — дѣйствіе струи воды на только что вспыхнувшее маленькое пламя. Биль глянулъ въ сторону приближавшихся саней, потомъ опять перевелъ глаза на Тинъ Кена и спокойно, холодно произнесъ:

— Нѣтъ, не скажу.

— Какъ угодно, — новымъ, смиреннымъ тономъ проговорилъ Гаррисъ. — Да не сердись ты. Право, я совсѣмъ не желаю мѣшаться въ твои личныя дѣла. Я просто думалъ, что тебя мучать тяжелыя мысли и что тебѣ станетъ легче, если ты выскажешься.

Скоро почтовые сани остановились рядомъ съ санями Били и Гарриса. Собаки почтаря сѣли, посматривая своими волчьими глазами на огромныхъ маламутовъ Хинена. Узнавъ Билиа, погонщикъ почтовыхъ собакъ замѣтно вздрогнулъ, и въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи стала чувствоваться принужденность.

— Въ Арнакъ? — спросилъ онъ Билиа.

— Двигаемся туда, — отвѣтилъ тотъ.

Погонщикъ повернулъ голову и посмотрѣлъ по направленію поселка, изъ котораго онъ ѣхалъ. Нѣсколько времени онъ молчалъ, потомъ многословно заговорилъ о разныхъ пустякахъ, не упоминая ни объ Арнакъ, ни о его обитателяхъ. Наконецъ, почтарь сталъ собираться въ дальнѣйшій путь.

— Вы знаете Шумнаго Джордана, Биль? — спросилъ онъ Хинена, стараясь придать своему голосу безпечное выраженіе.

Хиненъ утвердительно кивнулъ головой.

— Онъ въ Арнакъ, — продолжалъ почтарь. — Ему хорошо живется. Онъ получилъ отличный участокъ.

— Вотъ какъ, — бросилъ Биль.

— Да, да, ему везетъ, — съ видимо возроставшимъ замѣшательствомъ продолжалъ погонщикъ почтовыхъ собакъ — Елена Соусвикъ тоже въ Арнакъ...

— Вотъ какъ, — повторилъ Биль.

— Да, устраиваетъ дѣла своего покойнаго старика. Не правдали, грустно, что старый Денъ Соусвикъ убрался съ этого свѣта? Тяжеленько ей, бѣдной, одной. Вѣдь она не жила въ Арнакъ. Старикъ почти все время держалъ ее въ училищѣ, далеко отъ насъ. Она прѣзжала только такъ... погостить, да и то не надолго. Денъ былъ совсѣмъ не нынѣшній... Помнится, вы были дружны со старымъ Деномъ, Биль?

— Да, — коротко отвѣтилъ Хиненъ.

— Вы встрѣчали Елену, когда она прѣзжала къ своему отцу?

— Да.

— По вѣсѣмъ вѣроятіямъ, вы зайдете навѣстить ее, когда будете въ Арнакъ?

Биль промывалъ что-то.

— Шумный Джорданъ то и дѣло бываетъ у нея, — дрожащимъ голосомъ продолжалъ погонщикъ почтовыхъ собакъ. — Онъ и молоденькій горный инженерикъ, который работаетъ для компаниі Армхеймеръ. Его зовутъ Адамъ Бекеръ. Только къ нимъ двоимъ изъ цѣлаго Арнака она указываетъ... расположеніе. Особенно къ Джордану.

Хиненъ ничего не сказалъ. Погонщикъ возился съ веревками, которыя перетягивали его тюки, хотя онъ были въ полномъ порядкѣ, и то и дѣло боязливо поглядывалъ на Билиа.

— Вы... вы знали, что Шумный Джорданъ въ Арнакъ? — наконецъ, рѣшился онъ спросить.

Тинъ Кенъ громко вздохнулъ и опасно посмотрѣлъ на Хинена. Тотъ

не сводил каменнаго взгляда съ лица взволнованнаго почтаря.

— Вамъ нужно торопиться везти почтовые мѣшки. Правда?—спросилъ Биль и въ этомъ вопросѣ почувствовалось нѣчто въ родѣ предупрежденія.

Почтарь надѣлалъ цѣлый рядъ ошибокъ и, желая поправить ихъ, поступилъ еще хуже, сказавъ:

— Вѣдь я говорилъ безъ всякой задней мысли, Биль. Я просто слышалъ только о васъ и о Шумномъ Джорданѣ, вотъ и все... и только хотѣлъ...

— Ну, двигайтесь въ путь,—прервалъ его Тинъ Кенъ.—Убирайтесь, глупый, длинноязычный болтунъ!

— Да я... я просто... Меня очень удивило...—продолжалъ бормотать совсѣмъ растерявшійся погонщикъ почтовыхъ собакъ.

— Счастливаго пути и прощайте,—сказалъ ему Хиненъ. Онъ произнесъ эти слова очень мягко и очень отчетливо, въ то же время дѣлая шагъ къ почтарю. Тотъ совсѣмъ онѣмѣлъ; даже его тупость имѣла предѣлы.

— Эй вы, волчьи крысы съ пушистыми хвостами,—закричалъ онъ на своихъ псовъ и побѣждалъ вслѣдъ за санками, которыя, визгнувъ, скользнули по твердому снѣгу. Онъ даже не бросилъ прощальнаго привѣта своимъ недавнимъ собесѣдникамъ. Тинъ Кенъ съ неудовольствіемъ глянулъ ему вслѣдъ.

— Ну и глупъ же этотъ простакъ, прости Господи,—замѣтилъ онъ.—Неужели тупой малый не могъ найти другого разговора? Спрашивать у человѣка про такія вещи! Если онъ не научится держать языкъ за зубами, кто-нибудь скорехонько отправитъ его въ могилу.

Хиненъ утвердительно кивнулъ головой. Въ Аляскѣ не принято говорить съ малознакомыми людьми о такихъ интимныхъ дѣлахъ, какъ ихъ кровная вражда и месть.

— Двигаемся, — сказалъ Харрису Биль.

Тинъ Кенъ занялъ свое мѣсто позади саней. Его маленькіе, черные,

какъ бисерины, глаза весело поблескивали. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ онъ съ нѣкоторой опаской задалъ другу щекотливый вопросъ:

— На этотъ разъ ты ему не спустишь? Нѣтъ, Биль?

Хиненъ неопредѣленно покачалъ головой. Его маленькіе глаза еще сузились, превратились въ двѣ щелки между опухшими, покраснѣвшими отъ мороза вѣками. Его умъ занимали воспоминанія, и онъ разсѣяннотвѣтилъ:—Не знаю.

— А я знаю; ты отплатишь ему за нашего бѣднягу Бена,—съ волненіемъ заговорилъ Тинъ Кенъ.—Подумай, вдобавокъ еще этотъ Джорданъ вертится около дочери Дена Соусвика. Ты зналъ объ этомъ? Впрочемъ, что я! Разумѣется, зналъ. Уже, конечно, тотъ малый, что заходилъ къ намъ въ Фербэнксъ, болгалъ объ арнакскихъ дѣлишкахъ. Теперь я отлично понимаю изъ-за чего мы тащимся такую даль. Ты его поймешь? Да?

Хиненъ молча шелкнулъ бичемъ. — Не знаю,—мрачно повторилъ онъ, глядя, какъ псы-маламуты вытягиваются въ линію гуськомъ. Онъ слегка наклонился, быстро опередилъ собакъ и двинулся по направленію къ сѣверу, туда, гдѣ жилъ человѣкъ, котораго онъ мысленно поклялся убить при первой же встрѣчѣ съ нимъ.

Едва жители Арнака узнали о появленіи Хинена, они стали боязливо перешептываться, ожидая страшныхъ событій. Шумному Джордану въ его хижину на Кальтукскомъ ручьѣ эту вѣсть принесъ запыхавшійся рудокопъ, который, говоря, смотрѣлъ на него широко раскрытыми испуганными глазами.

Джорданъ получилъ прозвище «Шумный» именно за то, что онъ рѣдко говорилъ, еще рѣже кричалъ или пѣлъ. Это былъ высокій, худощавый, чловѣкъ лѣтъ сорока, съ рѣзкими орлиными чертами лица, съ черными волосами и съ глубоко запавшими, темными большими глазами. У него были

двѣ отличительныя черты: онъ не скупился на пули, зато неохотно трагилъ слова.

Онъ ничего не сказалъ рудокопу; когда же тотъ ушелъ, сталъ неторопливо, методически готовиться идти въ Арнакъ. Не мало времени онъ употребилъ на то, чтобы хорошенько спрятать подъ своей мѣховой «парка» револьверъ въ кобурѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Джорданъ вынулъ изъ ящика своего письменнаго стола сафьяновый футляръ, а изъ него досталъ фотографическую карточку Елены Соусвикъ и долго всматривался въ красивыя черты этой привлекательной, бѣлокурой дѣвушки. Позволивъ себѣ непривычную роскошь—глубокій, сильный вздохъ, онъ спряталъ карточку на прежнее мѣсто и отправился въ Арнакъ.

Джорданъ не торопясь прошелъ сперва по одной, а потомъ по другой сторонѣ единственной улицы этого поселка. Онъ заходилъ въ каждый баръ, въ каждый шинокъ, въ каждый складъ и магазинъ; вообще, показался вездѣ, гдѣ обыкновенно появлялись новоприбывшіе, вмѣшивался и въ каждую толпу. Нѣкоторымъ встрѣчнымъ онъ сдержанно кланялся, не разговаривалъ же ни съ кѣмъ.

Никто изъ жителей Арнака не выказалъ ни малѣйшаго любопытства, но Джорданъ отлично видѣлъ, что внимательныя взгляды отмѣчаютъ каждый его шагъ, каждое движеніе. Обойдя всѣ мѣста Арнака, гдѣ обычно бывали новоприбывшіе, онъ опять громко вздохнулъ и отправился обратно къ себѣ.

Короткій зимній день окончился; войдя въ свою темную комнату, Джорданъ зажегъ стоявшія на столѣ три свѣчи, повернулся къ плитѣ, чтобы начать приготовленія къ ужину, и увидѣлъ направленный на него револьверъ. Несмотря на полную неожиданность, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ.

— Руки вверхъ!—коротко приказалъ ему Биль Хиненъ.

Джорданъ медленно поднялъ руки надъ своей головой, его тонкія губы презрительно искривились.

— Я считалъ васъ чистымъ человекомъ,—недобрымъ тономъ произнесъ онъ.—Я убилъ вашего компаньона въ честномъ поединкѣ, и вы это знаете. Онъ первый началъ... Боже ты мой, я всегда, съ самаго начала хотѣлъ свести съ вами счеты, Хиненъ. Узнавъ, что вы въ Арнакѣ, я отправился въ поселокъ и показался рѣшительно вездѣ. А вы? Вы тайкомъ пробрались ко мнѣ, вползли, какъ змѣя, и подстерегли меня въ темнотѣ. Не я хотѣлъ драться съ вашимъ компаньономъ, онъ пожелалъ этого. Да, да, всѣ эти годы я готовился къ встрѣчѣ съ вами и думалъ свести съ вами счеты такимъ же честнымъ путемъ, какъ съ тѣмъ. Ну, что же? Стрѣляйте. Я не боюсь. Я охотнѣе умру, чѣмъ стану такимъ, какъ вы, Биль Хиненъ.

— Вы ошибаетесь, — слышался спокойный отвѣтъ.—Намъ съ вами, Джорданъ, нужно поговорить, вотъ и все. Когда я найду, что мнѣ пора раздѣлаться съ вами, мы будемъ стрѣляться; и и моя пуля угодитъ въ васъ, или вы покончите со мной. Теперь же я пришелъ только, чтобы потолковать съ вами. Можете опустить руки. Дайте слово, что вы не выстрѣлите въ меня, и я повѣрю. Я знаю, вы чистый человѣкъ. Что же—идеть?

— Идетъ,—кинувъ головой, отвѣтилъ Джорданъ и, когда Хиненъ спряталъ револьверъ за пазуху своей мѣховой одежды, прибавилъ:—о чемъ рѣчь?

— Объ Еленѣ Соусвикъ.

— Ну?

— Вы не можете жениться на ней.

— Не могу?

— Не можете; будь старый Денъ живъ, онъ не позволилъ бы вамъ бывать подлѣ нея. Онъ былъ моимъ близкимъ другомъ и теперь, когда его нѣтъ, я сдѣлаю то, что сдѣлалъ бы онъ.

Джорданъ подошелъ къ двери и открылъ ее.

— Разговоръ оконченъ, — холодно сказалъ онъ. — Прощайте. Можете безъ страха уйти изъ моей хижины. Я не стрѣляю людямъ въ спину. Завтра я буду въ поселкѣ и тогда, если хотите, мы съ вами сведемъ счеты на виду у всѣхъ.

— Я не уйду, — произнесъ Хиненъ. — Закройте дверь. Намъ нужно обсудить дѣло.

— Нечего обсуждать.

— Вы ее любите? — прямо спросилъ Биль.

Джорданъ поблѣднѣлъ, и все его тѣло вздрогнуло.

— Да, — хрипло отвѣтилъ онъ.

— Ложь! — бросилъ ему Биль.

Джорданъ захлопнулъ выходную дверь и невѣроятно быстрымъ движеньемъ выхватилъ револьверъ изъ кобуры, висѣвшей на его поясѣ.

— Довольно, — прерывающимся голосомъ проговорилъ онъ, и его пальцы задрожали надъ собачкой револьвера. — Я не убійца, но еще одно слово — и...

— Вы ея не любите, — продолжалъ Хиненъ, — вы играете ея чувствомъ, можете быть, если она захочетъ, женитесь на ней только потому, что боитесь остальныхъ. Въ Арнакѣ ее слишкомъ уважаютъ, не то вы...

Обыкновенно невозмутимый Джорданъ весь дрожалъ. Конецъ дула его револьвера медленно поднялся, какъ голова готовой укусить змѣи.

— Молчите, — попросилъ онъ. — Я не убійца, но вынести этого не могу...

— Вы не можете вынести правды? — спокойно продолжалъ Хиненъ. — Если бы вы ее любили, вы оставили бы ее въ покоѣ.

Джорданъ опустилъ револьверъ.

— Что вы хотите сказать? — съ удивленьемъ спросилъ онъ.

— Именно то, что сказалъ, — отвѣтилъ Биль. — Вы были чистымъ чело-вѣкомъ, насколько можно быть чистымъ въ нашей здѣшной глуши; но этого недостаточно. Старый Денъ воспитывалъ свою дочь вдали отъ Арнака. Она жила въ училищѣ. Онъ дѣ-

лалъ это для того, чтобы отдалить ее отъ такихъ людей, какъ вы, или... онъ самъ. Денъ былъ одинъ изъ насъ, но не хотѣлъ, чтобы она вышла замужъ за кого-либо изъ здѣшнихъ малыхъ. Вы отлично владѣете ружьемъ, Джорданъ, вы умѣло и честно ведете дѣла, и нуждайся я въ компаньонѣ для какого-нибудь труднаго или опаснаго предпріятія, я не могъ бы пожелать лучшаго помощника, нежели вы. Но въ мужья Елены Соусвикъ вы не годитесь. Она выросла вдали отъ насъ и, какъ только ей удастся привести въ порядокъ дѣла отца, должна уѣхать. У насъ она не можетъ остаться; ей нужно жить тамъ, гдѣ она росла, и вы не помѣшаете ей вернуться въ ея среду.

— Да вѣдь и я не прикованъ къ Арнаку, — напомнилъ Биллю Джорданъ.

— Вы чело-вѣкъ глуши, чело-вѣкъ ружья... игрокъ, — возразилъ ему Биль. — Вы привыкли къ нашей жизни; эта жизнь держитъ васъ; вы не въ состояніи уйти отъ нея. Но Арнакъ не для мужа Елены. Если бы вы уѣхали съ ней отсюда, можете быть, вы дали бы ей счастье на время короткой свадебной поѣздки. Потомъ вы вернулись бы къ вашей обычной жизни, а она... Ея сердце разрывалось бы день и ночь; разрывалось бы то отъ страха за васъ, то отъ горя и тревоги... за себя.

— Если вы такъ думаете, почему вы не пустите въ меня пулю? Тогда дѣло будетъ окончено, — медленно проговорилъ Джорданъ.

— Потому что гораздо легче вытѣснить изъ сердца дѣвушки живого чело-вѣка, нежели мертваго, — объяснилъ Биль.

Лицо Джордана вспыхнуло; его глаза блеснули.

— Вы думаете, что она... расположена ко мнѣ? — спросилъ онъ голосомъ, затрепетавшимъ отъ ликования.

— Не знаю, — покачивая головой, отвѣтилъ Хиненъ. — Во всякомъ случаѣ, если бы она узнала, что вы убиты изъ-за нея, она, вѣроятно, вообразила

бы, что любила васъ и тогда для нея начался бы адъ на землѣ. Я не позволю вамъ, живому ли, мертвому ли, принести этой дѣвушкѣ вредъ.

Черты Джордана освѣтило почти благоговѣйное чувство.

— Надѣюсь, никогда не причинить ей вреда или печали, — тихо произнесъ онъ; и эти слова походили на молитву.

— Вы и Адамъ Бекеръ, оба, стараетесь понравиться ей, — продолжалъ Хиненъ. — Одинъ изъ васъ, конечно, женится на ней. Но врядъ ли она достанется вамъ.

Джорданъ презрительно улыбнулся.

— Вы въ восторгѣ отъ Ада Бекера? Да?

— Нѣтъ, — быстро отвѣтилъ Хиненъ. — Онъ мнѣ не нравится, но этотъ малый изъ такихъ людей, къ какимъ она привыкла. Она окончила курсъ колледжа; онъ тоже. У нихъ одинаковые знакомые; оба привыкли жить въ одинаковыхъ мѣстахъ. Онъ для нея годится; вы — нѣтъ.

Джорданъ поморщился.

— Это тяжелая для меня слова, Биль, — отвѣтилъ онъ, — выслушайте то, что я скажу. Я знакомъ съ такими же людьми, какъ и Адамъ Бекеръ. Я образованъ и воспитанъ такъ же, какъ и онъ. Можетъ быть, вамъ трудно повѣрить въ это, но я говорю истинную правду. До встрѣчи съ Еленой Соусвикъ я былъ влюбленъ всего одинъ разъ. Въ то время я только что окончилъ курсъ колледжа. Неопытный, увлекающійся я полюбилъ дурную женщину и скоро узналъ это. Съ отчаянія я порвалъ всѣ свои прежнія связи и уѣхалъ на сѣверъ. Въ эту любовь я вложилъ всѣ свои надежды, всю вѣру въ счастье и проигралъ игру. Мнѣ стало все равно, останусь ли я живъ или умру и, если останусь живъ, какъ сложится моя жизнь. Какъ я жилъ, вы знаете... Да, я былъ кутилой, игрокомъ; только никогда, ни разу я не перевернулъ карты; ни разу не нажалъ пружину револьвера иначе, какъ во время честнаго поединка. Да, я бывалъ въ игор-

ныхъ домахъ, въ танцевальныхъ залахъ, но въ мірѣ нѣтъ ни одной женщины, которой я далъ бы какія-либо обѣщанія или надежды; никого, ни женщины, ни мужчины, я не обманулъ. Три года тому назадъ Елена пріѣхала навѣстить своего отца. Я встрѣтился съ ней. До знакомства съ этой свѣтлой дѣвушкой я не надѣялся ни на что хорошее; узнавъ же ее, рѣшилъ влить всю свою жизнь въ новую надежду. Послѣ первой бесѣды съ Еленой Соусвикъ я ни разу не дотронулся до картъ. Я не старался видаться съ нею. Я ушелъ въ глушь, дѣлать изысканія, напалъ на хорошую жилу и получилъ огромный барышъ. Каждый центъ, который у меня есть, пріобрѣтенъ чистымъ трудомъ. Семнадцать лѣтъ я провелъ въ аду, и Елена Соусвикъ можетъ меня вывести изъ этой геенны. Неужели вы думаете, что молодой херувимчикъ, въ родѣ Адама Бекера, можетъ любить ее больше, чѣмъ я, или дать ей больше счастья нежели я? Передъ нимъ вся жизнь. Въ моей все, кромѣ Елены Соусвикъ, позади. Если она достанется ему, она сдѣлается частью его жизни; если она будетъ моей женой, ей я отдамъ все мое существованіе. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло, Хиненъ.

— Мнѣ грустно за васъ, Джорданъ, — искренне сказалъ Биль, — но вы для нея не годитесь. Чѣмъ бы вы ни были раньше, съ тѣхъ поръ какъ вы пришли сюда, вы сдѣлались однимъ изъ насъ. Жизнь Арнака у васъ въ крови. Нѣтъ, вы не годитесь для Елены.

— Вы по чести думаете это, Хиненъ? — помолчавъ, спросилъ Джорданъ.

— Я знаю это, — кивнувъ головой, отвѣтилъ Биль.

— Такъ чего вы хотите отъ меня? — продолжалъ спрашивать Джорданъ.

— Уѣзжайте, — быстро сказалъ Хиненъ. — Не сейчасъ, а недѣли черезъ двѣ. — Видайтесь съ ней рѣже; скажите, что собираетесь уѣхать; потомъ уѣзжайте.

— И вы ждете, что я такъ поступлю?

Хиненъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — не жду.

— Такъ чего же вы ждете отъ меня? — опять спросилъ его Джорданъ.

Хиненъ вздохнулъ.

— Я думаю, намъ придется обмѣняться пулями...

— Вы поразили меня, Биль, — сказалъ Джорданъ, и его голосъ невольно дрогнулъ. — Знаете ли, трудно рѣшать такіе вопросы въ одну минуту. Дадите вы мнѣ недѣлю на размышленіе?

— А вы не будете видаться съ ней въ это время? — спросилъ Хиненъ.

— Не буду, — отвѣтилъ Джорданъ и взглянулъ на стѣнные часы. — Теперь половина девятого, если до этого времени въ слѣдующій вторникъ вы не получите отъ меня извѣстій, знайте, что я буду искать васъ, какъ вы искали меня всѣ эти годы.

— Я думаю этимъ окончится, — мрачно сказалъ Биль, нахлбучивая на уши свой мѣховой капюшонъ. — А все же я до послѣдней минуты буду надѣяться, что получу отъ васъ вѣсти. Ну, до свиданія.

— Покойной ночи, — твердымъ голосомъ сказалъ Джорданъ и протянулъ руку.

Хиненъ взялъ ее; на мгновеніе два врага стояли рядомъ, сжимая другъ другу руки. Потомъ дверь шумно закрылась за Билемъ, и Джорданъ остался одинъ со своимъ раздумьемъ

Арнакъ волновался, Арнакъ недоумѣвалъ. Всѣ полагали, что вслѣдъ за появленіемъ Билия Хинена тотчасъ произойдетъ драма. Конечно, никто изъ жителей поселка не желалъ кровопролитія, тѣмъ не менѣе въ каждомъ шевелилось странное чувство, похожее на легкое разочарованіе. Раздавались вопросы: «Кто изъ двухъ струсилъ? Почему дѣло обошлось такъ мирно?»

Хиненъ почти не выходилъ изъ хижины, въ которой онъ помѣстился вмѣстѣ съ Гаррисомъ, и навѣщалъ

только Елену Соусвикъ. Эта молодая дѣвушка часто показывалась съ молодымъ горнымъ инженеромъ Бекеромъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Елена пріѣхала въ Арнакъ лѣтомъ, послѣ смерти своего отца, Адамъ видался съ ней не въ присутствіи Шумнаго Джордана.

Молодые люди почти каждый день катались по твердому снѣгу въ плетеныхъ санкахъ Бекера, запряженныхъ его призовыми собаками. Бекеръ необыкновенно гордился этими псами, и, дѣйствительно, они были красивы, проворны и прекрасно подобраны. Но при видѣ ихъ арнакскіе старожилы съ сомнѣніемъ покачивали головами.

— Собаки эти красивы и бѣгаютъ хорошо, — какъ-то замѣтилъ сдинъ изъ ветерановъ сѣверной глуши; — только не въ моемъ онѣ вкусѣ. Вотъ наши огромныя, крѣпко сбитыя собачищи, съ примѣсью волчьей крови — тѣ по мнѣ. Правда, онѣ могутъ изжевать человѣка, если онъ не во время очутится между ними, за то онѣ родились здѣсь и привыкли къ нашей мѣстности и, если кто-либо изъ насъ заблудится въ морозъ и метель, онъ можетъ положиться на нашихъ маламутовъ; ну, а что сдѣлаютъ собаки, привозныя съ юга, еще неизвѣстно.

Во время поѣздокъ Елена и Адамъ часто замѣчали въ отдаленіи фигуру крупнаго человѣка въ санкахъ, запряженныхъ собаками. Казалось, онъ ѣздилъ куда глаза глядятъ, безъ всякой опредѣленной цѣли. Это былъ Джорданъ на своихъ маламутахъ. Онъ велъ одинокую борьбу съ самимъ собой и со своимъ чувствомъ.

И вотъ налетѣла жестокая метель, налетѣла совсѣмъ неожиданно. Это случилось во вторникъ, какъ разъ черезъ недѣлю послѣ разговора Джордана съ Билемъ Хиненомъ. Вихрь и снѣгъ примчались съ сѣвера; крутящіяся хлопья и снѣжная пыль окутали землю мглой; деревья, кусты, камни утонули въ мятущейся бѣлизнѣ.

Хиненъ лежалъ на своей койкѣ, прислушиваясь къ завыванію снѣжной бури. Онъ все еще ждалъ, какъ ждалъ, цѣлую недѣлю, окончанія отсрочки, которой у него попросилъ Джорданъ.

Дверь быстро растворилась. Въ хижину вошелъ Тинъ Кенъ. Онъ дышалъ съ трудомъ, измученный борьбой съ непогодой, хотя ему пришлось пройти всего около сотни ярдовъ, отдѣлявшихъ ихъ домъ отъ бара «Сова».

— Боже мой, Биль, — задыхаясь заговорилъ онъ; — они уѣхали и теперь...

Хиненъ однимъ прыжкомъ очутился на ногахъ.

— Уѣхали? Кто уѣхалъ?

— Елена Соусвикъ и этотъ Бекеръ, — пробормоталъ Тинъ Кенъ. — Они отправились кататься на его собакахъ, ихъ застигла метель...

Хиненъ тихо выбранился.

— Ужасно, что съ ней нѣтъ чело-вѣка, который зналъ бы нашу мѣстность лучше, нежели этотъ молоко-сось, — сказалъ онъ. Но ничего, собаки должны найти.. найдутъ дорогу.

— Собаки прибѣжали съ пустыми санями... — сказалъ Тинъ Кенъ. — И никакихъ слѣдовъ Елены или Бекера... Эти псы мчались мимо «Совы». Я самъ видѣлъ и выбѣжалъ остановить ихъ.

Хиненъ быстро надѣлъ на себя свою мѣховую «парка» и, борясь съ вѣтромъ, двинулся къ бару «Сова». Измученныхъ собакъ окружала группа взволнованныхъ, громко и многословно разсуждавшихъ людей. Южныхъ псовъ ввели въ «салонъ» втащили туда же и сани, чтобы хорошенько осмотрѣть ихъ.

— Я надѣялся найти записку или что-нибудь въ этомъ родѣ, — сказалъ одинъ изъ группы. — Ничего! Ни лоскутка бумаги...

— Кто видѣлъ въ какую сторону они поѣхали? — спросилъ Хиненъ.

— Мы спрашиваемъ это рѣшительно у всѣхъ, — слышался отвѣтъ, — никто не знаетъ; никто не видѣлъ, какъ они уѣзжали.

— Если бы я только зналъ, куда они отправились, я рѣшился бы пойти разыскивать ихъ въ эту бурю, — съ отчаяніемъ произнесъ Биль.

— А что могло быть причиной несчастія? — спросилъ другой изъ толпы.

Въ умѣ Били шевельнулось ужасное подозрѣніе, но онъ быстро прогналъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ чистый чело-вѣкъ, — вслухъ произнесъ Хиненъ.

— Кто? О комъ вы говорите? — прозвучалъ новый вопросъ. Хиненъ на него не отвѣтилъ; впрочемъ, онъ и не успѣлъ бы сдѣлать этого. Черезъ распахнувшуюся дверь въ комнату ворвался бѣлый морозный воздухъ, влетѣли хлопья снѣга. Въ ту же минуту въ салонъ вошло нѣсколько чело-вѣкъ. Они несли закутанную въ мѣха Елену Соусвикъ. Трое помогали идти еле державшемуся на ногахъ Бекеру. Дѣвушка была безъ сознанія; Бекеръ тоже казался въ полуобморочномъ состояніи. Хиненъ бережно снялъ съ Елены мѣховую одежду и капюшонъ. Она была хорошо укутана, и морозъ не оставилъ слѣдовъ на ея нѣжномъ лицѣ; рукъ и ногъ она тоже не отморозила. Очевидно, страхъ, холодъ и усталость измучили ее и, непривычная къ потрясеніямъ, она потеряла сознаніе. Жена содержателя бара взяла на себя попеченія о пострадавшей и попросила отнести Елену въ свою спальню.

— Кто привезъ ихъ? — спросилъ Хиненъ.

— Они пріѣхали въ санкахъ Джордана, — объяснилъ кто-то.

Хиненъ обратился къ Бекеру, который, выпивъ немного виски, оправился и теперь могъ говорить.

— Ну, отвѣчайте, вы... Говорите же, Боже мой! — закричалъ Биль, схвативъ молодого чело-вѣка за плечо и встряхивая его. — Что случилось? Какъ попали вы въ сани Джордана и гдѣ онъ? Ну? Не молчите же вы! Отвѣчайте! Говорите, ради Бога...

— Мои собаки убѣжали, — слабымъ голосомъ заговорилъ молодой

человѣкъ. — Началъ падать снѣгъ... налетѣлъ вѣтеръ; скоро поднялось что-то ужасное. Мнѣ показалось, что мы сбились съ пути... Я пошелъ посмотреть, гдѣ дорога, миссъ Соусвикъ не захотѣла остаться въ саняхъ одна. Собаки чего-то испугались и убѣжали; я звалъ ихъ. Напрасно! Мы сбились съ пути. Я кричалъ... Вѣтеръ заглушалъ мой голосъ... Отправляясь кататься, я обулся недостаточно тепло, и скоро мои ноги совсѣмъ оконечили. Я упалъ и не могъ подняться. Снѣгъ кружился; вѣтеръ завывалъ... Такъ насъ нашелъ Джорданъ. Онъ поднялъ меня, ободрилъ; далъ намъ надежду на спасеніе и заставилъ меня ухъхать въ его саняхъ. Силой заставилъ, просто поднималъ на рукахъ, какъ ребенка, и бросилъ въ сани. Въ это время моя лѣвая нога перестала меня слушаться... не двигалась... У него были всего четыре собаки. Трехъ онъ свезти не могли... Я просилъ, умолялъ его ухъхать вмѣсто меня... онъ ничего не отвѣтилъ, крикнулъ на собакъ, и онѣ по-неслись...

Хиненъ низко опустилъ голову, и съ секунду въ салонѣ стояла мертвая тишина. Слышно было лишь, какъ юный Бекеръ истерически всхлипывалъ.

— Гдѣ Джорданъ? — спросилъ Биль. — Гдѣ вы оставили его? Да отвѣчайте вы!..

— Самъ хорошенько не знаю, — запинаясь проговорилъ Адамъ. — Милыхъ въ трехъ отсюда; гдѣ-то близъ Березоваго ручья. Онъ крикнулъ мнѣ, чтобы ни я, ни вы о немъ не беспокоились, и еще...

— Ну, что еще?

— Чтобы я вамъ передалъ, что вы были правы. Въ чемъ дѣло, я не знаю.

— Правъ? Боже мой! Никогда въ жизни я еще не ошибался такъ жестоко!

Черезъ секунду Биль уже былъ подлѣ собакъ Джордана, онъ вывелъ ихъ на улицу, крикомъ и толчками заставилъ занять опредѣленные имъ мѣста и, раньше, нежели Гаррисъ понялъ его намѣренія, вскочилъ въ сани.

— Нѣтъ, нѣтъ, Биль, — кричалъ маленькій Тинъ Кенъ. — Ты самъ знаешь, что надежды нѣтъ. Ты не найдешь его, Биль, только самъ погибнешь безъ пользы...

Но Хиненъ уже умчался въ нѣдра тумана, въ густые клубы колющихъ снѣжинокъ, навстрѣчу порывамъ леденящаго вѣтра, въ крутящейся бѣлой адъ арктической метели. А въ залѣ бара «Сова» маленькій Тинъ Кенъ рыдалъ, опустилъ голову на столъ и сжатьи кулаками колотилъ свои виски.

Пять дней, въ теченіе которыхъ снѣжная буря сначала жестоко бѣсновалась, а потомъ понемногу успокоивалась и, наконецъ, совсѣмъ утихла, Арнакъ оплакивалъ Хинена, считая его мертвымъ. Бѣдный Гаррисъ жестоко горевалъ; только на короткое время благодатный сонъ заставлялъ его забывать о товарищѣ. Наконецъ, съ юга появились почтовые сани. Въ нихъ пріѣхали Шумный Джорданъ и Биль Хиненъ, оба сильно пострадавшіе отъ мороза, но живые. Тинъ Кенъ встрѣтилъ своего друга подлѣ крыльца «Совы» и, глядя на него своими еще красными отъ слезъ глазами, бросилъ ему характерное привѣтствіе:

— Твое счастье опять вывезло тебя? А? Говорятъ, Господь Богъ хранить дураковъ и пьяныхъ; ты, кажется, былъ трезвъ тогда; значить... Ну, вижу морозъ сильно тебя покусалъ. Что же? По дѣломъ. А я то думалъ, что на этотъ разъ совсѣмъ отдѣлался отъ тебя. Такъ вѣдь—нѣтъ!..

Хинену помогли выйти изъ саней; когда же онъ, сильно хромя, заковылялъ къ салону, многія руки протянулись по направленію къ Джордану, но Биль сказалъ почтарю:

— Нѣтъ, отвезите его къ дому Соусвика и высадите тамъ.

Больше ничего не было сказано; Хиненъ вошелъ въ залу «Совы» и попросилъ подать себѣ виски съ содой.

Въ тотъ же вечеръ Биль лежалъ на своей койкѣ, то-и-дѣло отхлебывалъ

валъ по глотку изъ бутылки виски, чтобы заглушать жестоку ю боль въ своихъ отмороженныхъ ногахъ и рукахъ и говорилъ Тинъ Кену.

— Да, маламуты отыскали своего хозяина. Я хорошо знаю здѣшнюю мѣстность и лучше большинства умѣю находить нужное направление въ метель, но тогда на землю обрушился весь адъ со своими бѣлыми бѣсами, и я потерялъ всякую сообразительность. А собаки его нашли. Чутье! Оказывается, онъ упалъ и ушибся еще хуже Бекера, да вдобавокъ, падая, вывихнулъ свою ногу въ щиколоткѣ. Мнѣ кое какъ удалось втащить его въ сани, и мы съ нимъ добрались до шалаша, тамъ, за развѣтвленіемъ кряжа холмовъ мы укрылись отъ метели. Я чувствовалъ себя порядочно; Джордану было хуже. Мы до того измучились, до того ослабѣли, что не могли двинуться въ путь, хотя собаки все время оставались подлѣ насъ. Наконецъ, на насъ натолкнулся почтарь, онъ припрегъ нашихъ собакъ къ своимъ и притащилъ насъ сюда.

— Все это отлично, — буркнулъ Гаррисъ, — но хорошо отплатить тебѣ Джорданъ за то, что ты его вырвалъ

изъ зубовъ смерти. Ты еще долго проваляешься здѣсь съ отмороженными руками и ногами, а онъ тѣмъ временемъ обвиняется съ дочерью Соусвика.

Хиненъ широко усмѣхнулся и снова хлебнулъ виски.

— Я самъ послалъ записку, просъ его заглянуть въ хижину Дена и посмотреть, не найдется ли тамъ для него дѣла, — посмѣиваясь, сказалъ онъ.

Тикъ Кенъ широко раскрылъ глаза.

— Я думалъ, что мы тащились такую даль именно для того, чтобы не дать состояться ихъ свадьбѣ, — проговорилъ онъ.

— И я, дѣйствительно, чуть было не разстроилъ ея, — сознался Биль, — но если бы мнѣ удалось сдѣлать это, я никогда не посмѣлъ бы больше посмотреть на себя.

— Да вѣдь онъ же подходящій мужъ для Елены, — пробормоталъ Гаррисъ.

— Человѣкъ, способный отказаться отъ любимой дѣвушки во имя ея блага — самый подходящій для нея мужъ, — торжественнымъ тономъ произнесъ Хиненъ. — Ну, а теперь помолчи! я хочу спать.

Вороная

Разказъ

Н. Уильямса.

ДЕСЯТНИКЪ бросилъ неожиданное приказаніе.

— Съ сегодняшняго дня, ребята, вы перемѣнитесь лошадьми,—сказалъ онъ, обращаясь къ двумъ работникамъ, нагружавшимъ гравіемъ тяжелую желтую телегу.

— Мнѣ хотѣлось бы сохранить вороную Бессъ, — сказалъ День Ривъ.—Я люблю ее.—И, повернувшись къ лошади, погладилъ ее по блестящей шеѣ.

Десятникъ глянулъ на Альфа Стебса и улыбнулся. Альфъ, смуглый, съ колючимъ взглядомъ, очень походилъ на цыгана.

— Вотъ онъ всегда такъ; прямо глупить изъ-за этой лошади,—съ презрѣніемъ бросилъ смуглый человѣкъ. День повернулся къ нему.

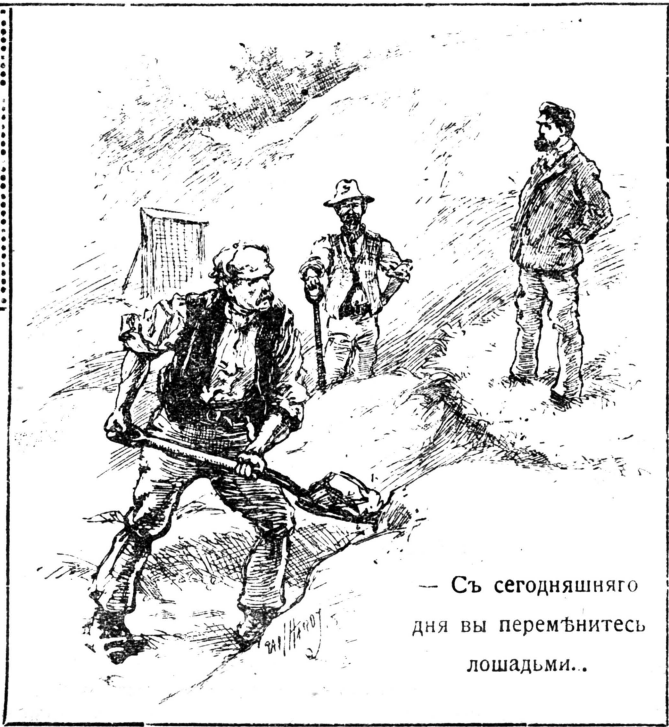
— Я не способенъ вымещать злость на безсловесныхъ животныхъ,—запальчиво сказалъ онъ.—Если это значитъ «глупить», Альфъ, ты говоришь правду.

Эти два человѣка никогда ни въ чемъ не были согласны. Теперь они обмѣнивались гнѣвными взглядами.

Десятникъ приподнялъ руку.

— Безъ перебранки,—повелительно произнесъ онъ.—Вы перемѣнитесь лошадьми; я сказалъ, значитъ, такъ и будетъ. Поняли?

Приказаніе было дано. Десятникъ пошелъ къ своей конторѣ, стоявшей по срединѣ огромной песчаной ямы.

— Съ сегодняшняго дня вы перемѣнитесь лошадьми..

На щекахъ круглолицаго, сѣроглазаго Дена Рива горѣли красныя пятна. Тяжелая работа не измѣнила очертаній его лица. День Ривъ отличался ровнымъ характеромъ, и до сихъ поръ никто изъ товарищей не умѣлъ нарушить его душевнаго равновѣсія. Однако, теперь и у него нашлась слабая струнка, и приказаніе перемѣниться лошадьми съ Альфомъ затронуло ее. Въ День закипѣло раздраженіе.

Дни шли; Альфъ постоянно бранилъ вороную Бессъ грубыми словами; хуже, билъ ее; День не могъ выносить этого.

— Ты опять ударилъ ее,—сказалъ онъ однажды во время работы все въ той же ямѣ гравія.

— Ну такъ что же? — отвѣтилъ Стебсъ, и его щеки собрались въ противныя складки.—Ну, я браню ее; ну, я ее бью? Тебѣ-то что за дѣло? Не твоя лошадь.

На лицѣ Дена отразилась тревога. Онъ остановился, держа на вѣсу ло-

пату, полную гравіа; его брови сдвинулись.

— Но вѣдь Бессъ стояла, какъ убитая,—возразилъ онъ.—Она ни за что не сдѣлаетъ ничего дурного. Зачѣмъ ее бить?

— Если ты понимаешь ее лучше, чѣмъ я, такъ и правъ ею,—насмѣшливо бросилъ Альфъ своему сотоварищу. Желѣзко заступа Дена съ силой погрузилось въ гравій.

— Альфъ, помоги мнѣ убѣдить десятника позволить намъ опять взять прежнихъ лошадей. Я люблю вороную Бессъ. Возьми Сѣрку. Я буду считать это одолженіемъ съ твоей стороны.. Я не забуду твоей услуги.

На кругломъ лицѣ Дена отразилось глубокое чувство.

Альфъ Стебсъ приподнялъ реманные возжи, какъ бы собираясь ударить Бессъ ихъ металлическими концами. Не удостоивъ Дена отвѣтомъ, онъ небрежно перебросилъ ихъ черезъ плечо и казалось сейчасъ нанесетъ ударъ тѣлу дрожащей лошади.

— Если ты ударишь ее,—хрипло прошипѣлъ Денъ, и горячая угроза загорѣлась въ его сѣрыхъ глазахъ;—если ты опять ударишь ее... Смотри!..

— Что тогда? Что?—Въ вопросѣ Альфа слышался вызовъ, но возжи не упали на вороную Бессъ.

Денъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Ударь ее, и я пойду къ хозяину.—Голосъ Рива вздрагивалъ.—Пойду къ хозяину. Увидимъ, что скажетъ м-ръ Гаррисъ, когда узнаетъ, что его лошадь бьютъ и толкаютъ ногами.—Денъ надѣялся этой угрозой образумить Альфа.

— Ты думаешь остановить меня? Глупецъ! Я не боюсь ни хозяина, ни тебя, ничего. Смотри! Я...

Стебсъ повернулся, чтобы ударить Бессъ; въ это время послышался стукъ колесъ; по дорогѣ, которая вела въ песчаную яму, двигался легкій экипажъ. Альфъ поднялъ глаза.

— Тш-ш-ш-шъ!..—мигая прошипѣлъ онъ.—Я же вѣдь шутилъ. Я совсѣмъ не хотѣлъ ее бить.—И, бросивъ возжи

на спину вороной лошади, Альфъ взялъ лопату и началъ работать.

На лицѣ Дена отразилось отвращеніе.

— Мнѣ кажется, я скажу...

— Не надо, товарищъ,—заискивающимъ тономъ попросилъ Альфъ.—Неужели ты захочешь сплетничать на меня?.. Ты-ш-ш-шъ. Онъ услышитъ!

Маленькій шарабанъ остановился. М-ръ Гаррисъ повернулъ голову. Его невѣста спускалась съ противоположной пѣшеходной тропинки и вела съ собой велосипедъ.

— Эй,—сказалъ Гаррисъ, обращаясь къ двумъ работникамъ.—Подержите моего пони.

Стебсъ услужливо побѣждалъ къ нему. Черезъ секунду Гаррисъ шелъ навстрѣчу миссъ Бетти.

Огромная яма находилась въ милѣ отъ города Берслопъ и представляла собой большую цѣнность. Два года тому назадъ Джорджъ Гаррисъ предложилъ владѣльцамъ этого участка разработать его, получая проценты съ барыша. Предложеніе оказалось выгоднымъ. Гаррисъ былъ хорошимъ строителемъ и имѣлъ связи съ городскими подрядчиками. Онъ переправлялъ гравій въ городъ для муниципальнаго управленія Берслопа. Дѣло шло прекрасно.

— Дайте мнѣ ящикъ съ красками и этюдникъ—сказалъ Гаррисъ съ улыбкой подходя къ Бетти.

— Лучше ведите машину,—съ мягкой гримаской отвѣтила она.

Онъ засмѣялся, глядя на ее подвижное, привлекательное, прелестное по своему выраженію личико.

— Вещи такъ драгоценны?—замѣтилъ онъ.—Вы не довѣряете ихъ мнѣ?

Бетти отдала ему велосипедъ.

— Погодите,—сказала дѣвушка.—Я хочу посмотрѣть.

Они спустились въ яму. Бетти осталась и окинула взглядомъ большую площадь гравія. При утреннемъ солнцѣ желтый песокъ горѣлъ, какъ золото. Молодая дѣвушка прислушивалась къ звуку заступовъ, къ лязгу

д угихъ инструментовъ и переводила глаза съ одной группы работниковъ на другую. Потомъ она стала всматриваться въ поднимающуюся дальше зеленую бахромѣ нѣжныхъ остроконечныхъ молодыхъ листеи ницъ.

— О, какъ красиво. Я должна набросать это,—сказала Бетти.

— На вашемъ мѣстѣ, я пошелъ бы дѣлать эту дѣла туда, гдѣ они будутъ работать завтра,—предложилъ Гаррисъ и указалъ рукой на отдаленный песчаный обрывъ.

— Нѣтъ, это мѣсто мнѣ нравится больше.

Какъ обыкновенно, Бетти поступила по своему.

Прошло часа два, Гаррисъ уѣхалъ съ общаніемъ встрѣтить свою невесту, когда она будетъ возвращаться на велосипедѣ въ Берслопъ.

— Намъ пора выбираться, Денъ,—замѣтилъ Альфъ.

Черезъ короткое время тяжело нагруженные телѣги, поскрипывая осями, поднимались по дорогѣ. Работники остановились наверху подъема, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Потомъ Денъ, шагая рядомъ со своей Сѣркой, снова двинулся впередъ. Они повернули на дорогу въ Берслопъ. Денъ хмурился. Говорить Риву не хотѣлось, и онъ односложно отвѣчалъ Альфу. Вдругъ длинный бичъ Стебса взвился. Раздался звукъ удара.

— Впередъ ты! Не хочешь?—дико закричалъ Альфъ на вороную Бессъ, въ то же время глядя на спину Дена.

На лицѣ Рива напряглись мускулы. Не поворачивая головы, онъ продолжалъ мѣрные шаги.

Альфъ улыбнулся.

— Жарковато. — Правда? — спросилъ онъ.

Отвѣта не было.

Колеса телѣгъ громко стучали; гайки на осяхъ прыгали, то показываясь то скрываясь въ черной подмазкѣ.

— Жарковато, правда?

Отвѣта не было.

Щелкнулъ бичъ. Еще и еще разъ. Ворона Бессъ вся собралась, рвану-

лась; ея сбруя зазвенѣла. Новый звукъ удара. Денъ обернулся со свирѣпымъ взглядомъ. Онъ увидѣлъ высоко поднявшуюся шерсть на животѣ вороной лошади; бросился на Стебса и схватилъ ручку бича.

— Отдай мнѣ его, жестокий бѣсъ!—въ порывѣ запальчивости закричалъ Ривъ.

Лицомъ къ лицу стояли они, оба держась за бичъ; тяжелыя телѣги миновали ихъ, поѣхали дальше.

— Брось,—крикнулъ Денъ, и толкнулъ Альфа.—Брось, брось! Тебѣ говорятъ, брось!

Оба были одинаково сильны. Ни тотъ, ни другой не отдавалъ бича и, по мѣрѣ борьбы въ обоихъ разгоралась злоба. Альфъ выпустилъ бичъ изъ правой руки и замахнулся ею на Дена, но Денъ парировалъ ударъ. Вдругъ они разступились; бичъ упалъ на дорогу. Оба наклонились надъ нимъ; въ эту секунду внезапно раздался трескъ и стукъ. Денъ и Альфъ обернулись къ телѣгамъ. Предоставленная себѣ Сѣрка слишкомъ близко подошла къ глубокой канавѣ. Одно изъ колесъ телѣги Дена шумно скользнуло въ глубину. Телѣга наклонилась; быстрымъ потокомъ, со скрипомъ посыпался гравій. Съ восклицаніемъ тревоги Денъ побѣждалъ къ сѣрой лошади, которая нажимала оглоблю, все сильнѣе и сильнѣе давившую ей бокъ. Раньше чѣмъ Ривъ успѣлъ подойти къ ней, Сѣрка съ пронзительнымъ ржаніемъ взвилась на дыбы; ея большія переднія ноги били воздухъ, каждый мускулъ на ея тѣлѣ напрягся; но телѣга потянула ее въ канаву. Тяжело рухнуло огромное тѣло лошади. Денъ опоздалъ. Съ блѣднымъ, какъ бумага, лицомъ смотрѣлъ онъ на мелькавшія въ канавѣ копыта.

Сѣрка лежала на спинѣ съ обѣихъ сторонъ зажатая откосами. Въ первыя минуты ея владѣлъ такой ужасъ, что не было никакой возможности подойти къ ней. Въ мелькани блестящихъ подковъ заключалась слишкомъ страшная угроза. Время отъ времени они ударяли о передокъ телѣги

Однако, бѣшеная сила ужаса бѣднаго животнаго истощила его. Теперь Сѣрка билась только порывами. Вотъ ея голова упала.

— Это не моя вина, Альфъ,—сказалъ Денъ, и въ его тонѣ почувствовалась мольба; онъ жаждалъ утѣшенія и поддержки. Стебсъ подошелъ и наклонился надъ затихшей лошадыю, потомъ съ недобрымъ блескомъ въ глазахъ глянулъ на Дена.

— Ея задняя нога сломана,—произнесъ онъ.

— Нѣтъ, ничего подобнаго,—мрачно отвѣтилъ Ривъ.

— Говорю тебѣ — сломана... Самъ посмотри,—повторилъ Стебсъ.

Переломъ приходился высоко, и толща мышцъ допускала сомнѣнія, Денъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность такого огромнаго несчастья.

— Ты поможешь мнѣ поднять ее? — попросилъ онъ Альфа. — Тѣ ремни, которыхъ намъ не удастся разстегнуть, мы просто перерѣжемъ.

Альфъ медленно выпрямился.

— Пріятно будетъ хозяину, когда онъ узнаетъ, что лошадь нужно застрѣлить, — сказалъ Стебсъ. — Хорошихъ дѣлъ надѣлалъ ты, нечего сказать! Онъ замолчалъ и черезъ секунду съ усмѣшкой прибавилъ: — думается мнѣ онъ покажетъ тебѣ на дверь.

— Да это же не моя вина,—возразилъ Денъ.

— Не знаю, повѣритъ ли онъ тебѣ...

— Повѣритъ. Вѣдь ты же скажешь, что я не былъ виноватъ.

— А ты думаешь скажу?

Заложивъ руки въ карманы, Альфъ подошелъ къ головѣ вороной Бессъ.

— Ты не уйдешь? — спросилъ его Денъ.

Вмѣсто отвѣта, Альфъ насмѣшливо усмѣхнулся и вмѣстѣ со своей телѣгой направился въ сторону Берслопа.

— Ты такъ же виноватъ, какъ я, — гнѣвно крикнулъ ему вслѣдъ Денъ.

Риву отвѣтило только щелканье бича. Скоро Альфъ съ его тяжело покачивавшейся телѣгой скрылся за поворотомъ дороги.

Миссъ Бетти быстро мчалась на своемъ велосипедѣ. Она ни о чемъ не думала, только наслаждалась ощущеніемъ быстрого движенія. Машина поднесла ее къ мѣсту печальной картины. Лошадь въ канавѣ, опрокинутая телѣга, человѣкъ съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Мгновенно жалость, сочувствіе, переполнили ее; желаніе помочь заставило соскочить съ «VELO» и подбѣжать къ Дену. Невозможно было не увидать, какъ искренно предложила дѣвушка свою помощь, и Денъ довѣрчиво отнесся къ Бетти. Онъ чистосердечно разсказалъ ей, какъ было дѣло, говоря только правду, ни однимъ словомъ не обвиняя Стебса; въ его честной душѣ не шевелилось желанія отплатить товарищу; однако изъ сказаннаго Бетти поняла все, и въ ней загорѣлось негодоаніе, особенно, когда Ривъ разсказалъ ей о своей борьбѣ съ Альфомъ и объ удаленіи Стебса. Онъ не раздѣлялъ ея гнѣва; онъ просто объяснялъ ей обстоятельства дѣла, объяснялъ съ дѣтскимъ простодушіемъ. Также просто и безыскусственно согласился Ривъ на ея предложеніе

Альфъ выпустилъ бичъ...

позвать къ нему на помощь людей изъ ямы.

— Если хотите, миссъ, пожалуйста,—сказаль онъ.

Бетти быстро вскочила на велосипедъ и помчалась къ ямѣ гравія. Ей пришлось замедлить движеніе машины, такъ какъ дорога слегка поднималась, пришлось также объяснять работникамъ случившееся, поэтому, когда она на своемъ «VELO» и нѣсколько работниковъ въ телѣгѣ увидѣли Рива, онъ оказался не одинъ; подлѣ него стоялъ м-ръ Гаррисъ, и еще трое людей, въ нѣкоторомъ, отдаленіи виднѣлся шарабанъ. Бетти помахала жениху рукой. Группа заволновалась.

— Они видятъ насъ,—сказала Бетти, обращаясь къ своимъ спутникамъ, но молодая дѣвушка ошиблась. Волненіе было вызвано другой причиной и она поняла это, когда въ воздухѣ пронесся звукъ выстрѣла.

— У нея была сломана нога,—объяснилъ Гаррисъ подбѣжавшей къ нему дѣвушкѣ;—пришлось сдѣлать это.

— Бѣдное, бѣдное созданіе,—прошептала Бетти, глядя на мертвую лошадь, потомъ она посмотрѣла на Рива, и тронувъ Джорджа за руку, отвела его въ сторону.

Телѣга пострадала отъ паденія; пре-

Онъ разсказаль ей, какъ было дѣло...

красная сѣрая лошадь лежала застрѣленная.

— Я отказаль ему,—произнесъ молодой человекъ.

— Да онъ не виноватъ,—заступилась за Дена Бетти.—Вина другого. Они поссорились изъ-за того, что тотъ билъ лошадей; телѣга опрокинулась, когда...

— Сказки,—гнѣвно прерваль ее Гаррисъ.—Я встрѣтилъ Стебса на дорогѣ, и онъ объяснилъ мнѣ, какъ случилось это. День заснулъ на гравіи нарушивъ одно изъ установленныхъ правилъ. Я прогналъ его.

Гарриса досадовала матерьяльная потеря; на его щекахъ разгорѣлись красныя пятна; Бетти сердилась на него за его безсердечный и несправедливый поступокъ. Въ ея глазахъ стояли слезы.

— Вы еще не уѣзжаете? Подождите меня,—попросилъ невѣсту Гаррисъ.

Не отвѣчая, Бетти вскочила на велосипедъ и уѣхала.

Улица Гресъ очень длина, но Джорджъ и не думаль любоваться ея безконечной перспективой. Его умъ занимали тревожныя мысли. Онъ только что разстался со своей невѣстой; слегка ударивъ пони длиннымъ бичемъ, Гаррисъ миноваль рядъ маленькихъ лавокъ, нѣсколько частныхъ особняковъ, садовъ и жалкихъ коттеджей, наконецъ, повернулъ въ лѣвую сторону и въѣхаль во дворъ, надъ воротами котораго помѣщалась огромная вывѣска съ надписью: «Джорджъ Гаррисъ, строитель».

Пони весело бѣжалъ длинною конюшней.

Гаррисъ повернулся и, указывая бичомъ, крикнулъ работавшему во дворѣ человеку.

— Эти столбы поставлены слишкомъ часто; нужны ихъ раздвинуть.

Да... Иближе къ поперечнымъ доскамъ... Что?.. Нѣтъ!.. Билли? Да, да... Пожа-луйста, попросите Стебса придти ко мнѣ въ контору. Да, да, теперь же...

Немного позже Альфъ узналъ, что онъ лишень мѣста.

— А, День? — спросилъ Стебсъ, злобно нахмуривъ брови.

— Я передумалъ, — коротко отвѣтилъ ему Джорджъ — День остается.

— Какъ же?.. — началъ Альфъ.

— Вотъ ваши деньги... Извините, мнѣ некогда — такимъ рѣшительнымъ тономъ прервалъ его Гаррисъ, что Альфъ повернулся и молча ушелъ, за то въ воротахъ онъ остановился, повернулся въ сторону конторы и погрозилъ сжатымъ кулакомъ.

Когда Стебсъ входилъ въ одинъ коттеджъ противъ воротъ съ большой вывѣской, изъ другого, сосѣдняго, показался День.

Улица Гресъ не отличается большимъ движеніемъ, особенно послѣ одинадцати часовъ вечера; въ это время весь Берслопъ уже спитъ. Въ полночь День Ривъ поднялъ голову со своей подушки и разбудилъ жену, задыхаясь сказавъ ей.

— Мери, Мери ты слышала?

Съ мгновеніе неожиданно разбуженная женщина молчала; потомъ съ испугомъ произнесла:

— Что случилось, День?

— Мнѣ почудилось... — началъ онъ, но не договорилъ начатой фразы.

Страшный вопль пронесся въ тишинѣ. Ужасъ его леденилъ кровь. Кричали животныя, но въ крикахъ этихъ было столько человѣческой муки. День соскочилъ съ кровати, босикомъ подбѣжалъ къ окну и судорожно раздвинулъ занавѣски.

Во дворѣ строителя, противъ коттеджа Дена взвивались языки пламени. Ривъ раскрылъ окно. До него донесся шумъ, гулъ, изъ котораго, время отъ времени, выдѣлялись вопли и восклицанія. День въ одну минуту одѣлся.

— Бѣги на помощь! — Конюшни хозяина горятъ, — черезъ нѣсколько мгно-

веній отчаянно кричалъ онъ, ломаясь въ двери своего сосѣда, Альфа.

Надъ головой Рива медленно раскрылось окно.

— Конюшни горятъ! — Нужно вывести лошадей, — крикнулъ День, поднявъ голову.

— Ага? Горятъ? Правда, горятъ, — равнодушно подтвердилъ Альфъ и холодно прибавилъ. — Но меня

расчитали. Это не мое дѣло.

— Да вѣдь лошади заживо сгорятъ, — съ отчаяніемъ прокричалъ Ривъ.

— Выведи ихъ, если тебѣ такъ ихъ жалко... Ты на службѣ... я — нѣтъ.

День подбѣжалъ къ воротамъ двора строителя. Громко лягнувъ поднятый и отодвинутый засовъ.

— Да, да, здѣсь, — объяснилъ онъ толпѣ, которая подтекала къ нему. Распахнувъ ворота, люди кинулись во дворъ, въ темнотѣ спотыкаясь на груды черепицъ и приготовленныхъ бревенъ.

Конюшня Гарриса представляла собой продолговатое двухъ-этажное строеніе. Входъ былъ въ его лѣвомъ концѣ, подъ башенкой. Тамъ стояла темнота. Огненные языки вырывались изъ сѣннаго чердака въ противоположномъ концѣ конюшни. Толпа остановилась: крики, похожіе на человѣческіе, и удары копытъ производили страшное впечатлѣніе. День объяснилъ остальнымъ, почему имъ приходится ждать.

Онъ погрозилъ кулакомъ.

— Не нахожу ключа,—прозвучаль его голосъ, покрывая смятеніе звуковъ.—Передъ уходомъ я повѣсилъ его сюда на крючокъ; теперь же его нѣтъ; ключъ унесенъ...

— Взломаемъ засовъ,—предложилъ кто-то изъ толпы. Другой нажалъ всей тяжестью тѣла на деревянную створку. Остальные помогали. Затворъ не ломался; доски не трескались.

— За мной,—позвалъ Денъ и побѣждалъ къ грудѣ балоковъ, приготовленныхъ для постройки.

— Поднимемъ!—предложилъ Ривъ.

Но было очень темно; не всѣ руки схватились за одну и ту же балку. Произошло смятеніе.

— Готово!—черезъ нѣсколько минутъ прокричалъ кто-то. Выстроившись вдоль длиннаго бревна, Денъ и четверо другихъ изъ толпы поднесли импровизированный таранъ къ воротамъ конюшни и съ силой ударили имъ одну изъ крѣпкихъ створокъ.

Грохотъ. Одна доска разбилась. Верхняя петля сломалась.

— Еще разъ!—приказалъ Денъ.

Дверь упала внутрь. Изъ открывшагося отверстія вырвался цѣлый адъ безпорядочныхъ звуковъ и клубовъ дыма.

Черезъ нѣсколько мгновений дымъ немного разсѣялся и открылъ сцену смятенія. Въ концѣ прохода, между двойнымъ рядомъ стойлъ пылалъ потолокъ. Красные отсвѣты заливали конюшню. Въ ней царилъ ужасъ; онъ сказывался въ расширенныхъ ноздряхъ, въ заложенныхъ ушахъ, въ выкатившихся, полныхъ страха глазахъ. Огромныя животныя бились, отчаянно ржали; ихъ вопли смѣшивались со звономъ и скрипомъ цѣпей недоуздровъ, съ громкимъ топотомъ копытъ. Паника доводила лошадей до безумія. Испуганные люди опасливо отступили. Никто не рѣшался войти въ узкій проходъ туда, гдѣ со всѣхъ сторонъ мелькали стальные подковы. Сердца замерли, когда какая-то фигура бросилась впередъ и, какъ выпущенная изъ лука стрѣла, понеслась по узкому

проходу. Какъ разъ подъ пламенемъ она повернула направо. Зрители увидѣли голову и плечи челоуѣка въ крайнемъ стойлѣ. Денъ поднялъ руки къ головѣ лошади; его пальцы ухватились за недоуздрокъ; плечи судорожно задыгались. Что-то лопнуло съ трескомъ сломавшейся палки. Лошадь взвилась на дыбы. Ея голова и копыты взметнулись выше головы Дена. Въ красномъ отсвѣтѣ она казалась исполинской. Еще немного и опасность миновала. Лошадь повернулась и побѣжала по проходу.

— Смотрите! Берегитесь! — раздавалось предостереженіе близъ широкаго выхода изъ конюшни.

Едва эти слова замерли, какъ лошадь выскочила изъ воротъ, и ея копыта застучали по двору.

Одинъ изъ толпы скинулъ съ себя куртку.

— Я иду!—крикнулъ онъ, обращаясь къ остальнымъ.—Кто за мной?

И побѣждалъ къ Дену.

Освобождались лошадь за лошадью; съ грохотомъ уносились онѣ во дворъ.

— Выпускаютъ послѣднюю, ворону!—радостно прокричалъ одинъ изъ толпы.

Это была правда.

Бессъ мчалась по проходу на своихъ упруго сгибающихся ногахъ, расширивъ могучую грудь. Ея глаза горѣли; ея гривы развѣвалась. Она пронеслась черезъ ворота, какъ паровозъ пролетаетъ подъ аркой, и съ силой же паровоза грудью толкнула фигуру челоуѣка, трусливо стоявшаго въ тѣни воротъ двора. Это случилось мгновенно; черезъ секунду звонъ ея копытъ раздался на улицѣ.

Лежащаго подняли. Послали за докторомъ.

— Я умираю?—хрипло спросилъ онъ.

— Да,—былъ откровенный короткій отвѣтъ врача.

— Я поджегъ конюшню,—сознался умирающій.

Вотъ какимъ образомъ ворона Бессъ убила Альфа Стебса.

.....ООООООООООООО.....

СОБАКИ ЕГО СВѢТЛОСТИ

РАЗСКАЗЪ

— Х. М. ШАРПЪ. —

I.

ГЕРЦОГЪ Ивѣ де-ла Туръ д'Юнъ чувствовалъ жажду и былъ въ очень дурномъ настроеніи духа; по этому онъ пилъ и послѣ каждого большого глотка бросалъ проклятiя.

— Запоздали рабы,—пробормоталъ онъ.—Ужъ, конечно, они дѣйствовали не такъ какъ слѣдовало. Не мудрено. Ну, что скажешь, шутъ?

Шутъ ничего не сказалъ. Вытянувшись во всю длину, онъ лежалъ на помостѣ у ногъ своего господина. Его голова опиралась на руку, изъ которой выскользнула лютня. Другой рукой онъ сжималъ пустой кубокъ, и послѣднія капли краснаго вина медленно падали оттуда на каменный полъ. Глаза шута были полузакрыты; по временамъ съ его губъ срывались пьяные обрывки пѣсни, изумительно нѣжной, изумительно мелодичной.

Герцогъ поднялся на ноги, толкнулъ неподвижную фигуру и сталъ метаться по большой залѣ. Немногіе изъ его домочадцевъ, которые въ силу старости или увѣчья не могли отправиться исполнять кровавое порученіе герцога Ива, ежились на стульяхъ около стола и, едва онъ подходилъ, молча и со страхомъ крались прочь. Свѣтъ факеловъ освѣщалъ высокую мускулистую, грубую фигуру герцога. За три дня передъ тѣмъ одну его руку пронизало вражеское копьё и теперь она, забинтованная, была привязана къ его широкой груди. Лицо де-ла Тура было такъ же непрiятно, какъ и его настроеніе; на каждой чертѣ герцога Ива лежала печать неблаго-родныхъ страстей.

Замокъ Юнъ, черный и страшный, высился на обрывистыхъ утесахъ, высоко вздымаясь надъ окружающими лѣсами. О немъ, какъ и о его хозяинѣ, шла дурная слава, дурная даже для того чернаго вѣка, когда одинъ сеньоръ воевалъ съ другимъ; когда порокъ и насиліе разливались по всей землѣ. Крестьяне, просыпавшіеся въ полнолуніе и опасливо смотрѣвшіе черезъ щели въ стѣнахъ своихъ жалкихъ хижинъ видывали странныя вещи; «*bon-deurs*» и «*écorceurs*» герцога, окровавленные, обезумѣвшіе отъ вина, бѣшено проносились мимо нихъ на своихъ тяжелыхъ коняхъ. Со слугами де-ла Туръ двигались фуры полныя награбленнаго добра, иногда черезъ ихъ сѣдла перевѣшивались странные свертки, которые, казалось, боролись. Запоздалые путешественники, проѣзжавшіе по лѣсной дорогѣ подъ замкомъ, рассказывали, что вѣтеръ приносилъ къ нимъ сверху шумы, вопли женщинъ и еще болѣе зловѣщiе мрачные звуки.

Между тѣмъ, ни одинъ изъ застольныхъ товарищей герцога Ива не видывалъ за столомъ какую-нибудь женщину, кромѣ Жозефы Мишо, старой, страшной «вѣдьмы», какъ ее называли окрестные крестьяне.

Герцогъ остановился. Подойдя къ большой дубовой двери, онъ собственноручно отодвинулъ ея засовы и широко распахнулъ ея створку. Изъ черной тѣмы двора въ залу ворвался крутящійся вѣтеръ и капли дождя; пламя факеловъ заколебалось; холодныя струи влажнаго воздуха принесли съ

собой также шумъ приближавшагося вооруженнаго отряда, слышались звонъ удиль и поводьевъ; лязгъ оружія, топотъ копытъ, стукъ колесъ и все покрываи хриплые крики и грубый хохотъ.

Герцогъ постоялъ, прислушиваясь, потомъ медленно вернулся къ «верхнему» концу залы и, поднявшись на помостъ, ждалъ.

Дворъ наполнился шумомъ, смятеніемъ, свѣтомъ факеловъ и фонарей. И вотъ изъ этого хаоса черезъ открытую дверь въ залу въѣхалъ всадникъ на крупномъ конѣ. На его колѣти и на его рукахъ темнѣли пятна, точно отъ пролитаго краснаго вина. Взымыленные и вспѣнившіеся бока лошади такъ и поднимались. Поперекъ его сѣдла лежала женщина, лицомъ внизъ. Съ ея губъ сочилась кровь, падая на колѣно всадника. Ея распустившіеся волосы, цвѣта осеннихъ листьевъ березы, свѣшивались до стремени.

Подлѣ помоста всадникъ натянулъ поводья. Его глаза блеснули изъ-подъ забрала, вопросительно глянувъ на герцога. Это были глаза усмирннаго волка, который ненавидитъ, но боится укусить.

— Мы взяли городъ, — сказалъ онъ. — Нашему господину мы привезли сокровища: оружіе, золото и драгоценные камни...

— И мертвую женщину, — договорилъ за него герцогъ Ивъ. — Вы осмѣлились привезти мнѣ мертвую женщину!

— Она не умерла, — возразилъ воинъ и, приподнявъ тонкую фигуру съ колѣнъ, коснулся ея корсажа. — Я чувствую, какъ бьется это сердце. Меньше часа тому назадъ она стонала.

Онъ выпрямился въ сѣдлѣ и гнѣвными глазами встрѣтилъ свирѣпый огонь взгляда герцога.

— Я отправился исполнять ваше приказаніе, — произнесъ онъ. — Ни одного человѣка не убилъ я; не взялъ въ плѣнъ ни одной женщины ради собственного удовольствія. Вы обѣ-

щали дать мнѣ тысячу парижскихъ су, если я доставлю вамъ самую красивую дѣвушку въ Севиньонѣ. И я нашелъ ее. Какъ Богъ святъ, это самая прекрасная дѣвушка, когда-либо созданная Имъ.

— Такъ это она? Да? Дай взглянуть на нее.

— Погодите, ваша свѣтлость. Это дочь губернатора. Ее называютъ севиньонской розой. Но въ данное мгновеніе ея красота омрачена. Я засталъ ее въ постели, больную лихорадкой. Тѣмъ не менѣе, когда мы связывали ее, она царапалась, дралась... Это дикая кошечка, такая, какія по сердцу вашей свѣтлости. Подъ ея подушкой скрывался кинжалъ. Защищаясь, мнѣ пришлось ее ударить. Но, я не обнажилъ противъ нея стали, не потратилъ на нее пороха... Желѣзной перчаткой я ударилъ ее по губамъ...

Изъ глазъ герцога вырвался не добрый огонь.

— Покажи мнѣ ее, — опять произнесъ онъ съ проклятіемъ и, сойдя съ помоста, остановился подлѣ воина. Никто не обращалъ вниманія на шута; онъ проснулся отъ пьянаго сна и сѣлъ, охвативъ свои колѣни руками.

— Да, — съ громкимъ смѣхомъ началъ онъ, — покажите-ка намъ, какъ руки раба украсили самое красивое лицо, когда-либо созданное Господомъ. — Онъ поднялся, выпрямился и остановился на краю помоста, слегка покачиваясь, но не бросая пустого кубка.

Воинъ послалъ ему проклятіе, потомъ, снявъ дѣвушку съ сѣдла, опустилъ ее на полъ.

Шутъ смотрѣлъ.

— Мертва она или безъ сознанія? — пробормоталъ онъ. Кубокъ выпалъ изъ его рукъ и, зазвенѣвъ о камни, покотился по плитамъ пола.

Де-ла Туръ здоровой рукой обнялъ талію плѣнницы, поддерживая ее; теперь казалось, будто она стоитъ. Это была высокая статная дѣвушка. Ея голова откинулась на плечо герцога. Ея длинныя и темныя вѣсныцы бро-

сали тѣни на лицо, но на одной ея щекѣ виднѣлся большой синякъ, а изъ ея разрѣзанныхъ, распухшихъ губъ сочилась кровь, сбѣгая на подбородокъ.

Герцогъ долго смотрѣлъ на блѣдное лицо, потомъ поднялъ взглядъ на воина и улыбнулся. Неприятно было видѣть эту улыбку.

— Итакъ, ты воображаешь, что испорченное добро годится для герцога Ива де-ла Туръ д'Юнъ,—сказалъ онъ.—Ты привезъ мнѣ больную женщину съ обезображеннымъ лицомъ и просишь награды? Ничего ты не получишь, кромѣ... если мнѣ это завтра вздумается... того, что не придется тебѣ по сердцу.

Герцогъ внезапно опустилъ свою руку, и дѣвушка, упала на каменный полъ.

— Унести ее!—приказалъ Ивъ,—и

не показывать, пока она не поправится... если она еще не мертва. Ну, что ты теперь скажешь, мой шутъ?

Шутъ сошелъ съ помоста и стоялъ надъ красивой неподвижной фигурой. Онъ взглянулъ въ жестокіе глаза герцога, нагнулся и поднялъ красавицу на руки.

— У меня есть кое-какія лѣкарскія познанія,—сказалъ онъ.—Я присмотрю за ней.

И шутъ унесъ ее изъ залы.

II.

На зарѣ Клодъ проснулась среди невѣдомаго ей міра, который, какъ ея больнымъ глазамъ показалось, плавалъ въ трепетномъ сѣромъ туманѣ. Ей представилось, что она спала долгомъ, беспокойнымъ сномъ съ тре-

вожными сновидѣніями, что въ этихъ грезахъ ее окружали жестокія картины, что она страдала то отъ какой-то боли, то отъ лихорадки, то отъ смерти.

Всадникъ натянулъ поводья.

наго озноба, что кругомъ нея слышались грубыя слова и совершалось нѣчто неописуемо страшное.

Кровь прилила къ ея головѣ, какъ молотами стучала въ вискахъ. Она приподнялась, оглядѣлась. Нѣтъ, она не была въ Севиньонѣ, въ своей комнатѣ, завѣшанной дамасскимъ шелкомъ и благоухавшей ароматомъ розъ; это было не дѣвичье гнѣздо, а суровая камера, устроенная въ толщѣ стѣны замка. На каменныхъ стѣнахъ

виднѣлись только паутины; узкое окошко открывало видъ на хмурую скалу и темный лѣсъ.

Но больше всего Клодь удивила фигура шута, который, скрестивъ ноги, сидѣлъ на полу между нею я свѣтомъ и тихонько перебиралъ струны лютни. Его облакала смѣшная одежда, наполовину пурпуровая, наполовину оранжевая; его лицо было также раскрашено оранжевой и пурпуровой краской. Съ остроконечныхъ концовъ его головного убора свѣшивались десятки крошечныхъ колокольчиковъ, были они также приделаны къ лентамъ на его колетѣ, къ концамъ его воротника, и всѣ позванивали подъ ритмъ мелодіи лютни.

— Гдѣ я?—спросила Клодь.

Онъ поднялся на ноги и подошелъ къ ней.

— Вы въ замкѣ Іонъ, — отвѣтилъ шутъ.

— Это названіе я слышала,—прошептала она и вздрогнула.—Въ страшномъ сновидѣніи уловила я его.

Выраженіе лица шута показало, что онъ вѣритъ ей. Онъ отошелъ отъ дѣвушки и тотчасъ же вернулся съ кубкомъ въ рукѣ.

— Выпейте; это живительное лѣкарство, — сказалъ шутъ и нѣжно, какъ женщина, поддерживая ее голову, напоилъ ее.

Когда Клодь осушила кубокъ и на ея щеки набѣжалъ легкій румянецъ, шутъ принесъ чашку съ теплой водой, перемѣнилъ бинты на ея головѣ, умылъ ей лицо.

Весь этотъ день дѣвушка спала съ перерывами и стонала во снѣ. На слѣдующее же утро, она широко открывъ глаза, выслушала прекрасную пѣсню шута съ непонятными для нея словами.

— Это не пѣсня Франціи, — замѣтила Клодь, когда голосъ шута оборвался на послѣдней грустной нотѣ.

— Это пѣсня Шотландіи, мадемуазель. Въ ней говорится о мужчинахъ и дѣвушкахъ, о войнѣ и счастьи. Это пѣсня для мужчины, а не для шута.

— А вы всегда были шутомъ?

— Не всегда, мадемуазель, — коротко отвѣтилъ онъ и прибавилъ: — Хотите, я принесу воды, чтобы вы могли вымыть себѣ лицо? Не причесать ли вамъ волосы?

Клодь посмотрѣла на шута и отвѣтила не сразу. Онъ отвернулъ отъ нея лицо, и она съ удивленіемъ увидѣла, что его рѣзко вырѣзавшійся на фонѣ сѣрой стѣны профиль былъ удивительно красивъ и тонокъ.

— Зачѣмъ вамъ умывать мнѣ лицо, причесывать мои волосы? — спросила она, краснѣя.—Развѣ въ замкѣ Іонъ нѣтъ ни одной женщины?

— Здѣсь есть существо во образѣ женщины. Но я не хочу, чтобы оно касалось васъ,—отвѣтилъ шутъ. — Я не мужчина. Развѣ я не ношу погрѣмушки? Развѣ я не прожилъ въ замкѣ Іонъ тысячи лѣтъ? Я старъ, какъ печаль міра. И за исключеніемъ тѣхъ минутъ, когда мнѣ удастся прислуживать вамъ я, полу-пьяный, валяюсь на полу, топя свои заботы и грусть въ красномъ винѣ Фландріи.

Она посмотрѣла на него широко открытыми, полными состраданія глазами. Но вдругъ ея щеки внезапно псбѣлѣло; до ея слуха донесся мрачный звукъ, продолжительный, зловѣщій.

— Что это? — прошептала Клодь.

Шутъ отвернулъ голову и сквозь зубы отвѣтилъ:

— Это вой собакъ, мадемуазель.

— Какихъ собакъ?

— Собакъ его свѣтлости.

— Развѣ онѣ близко?

Шутъ хрипло засмѣялся.

— Конечно; вѣдь онѣ же въ замкѣ и ихъ очень много, — отвѣтилъ онъ.

III.

И вотъ пришелъ день, въ который севиньонская роза перешла черезъ комнату и утомленная опустилась въ большое кресло, глядя на суровый лѣсъ, поднимавшійся противъ стѣнъ ея тюрьмы. Ея лицо было блѣдно, а глаза темны, какъ беззвѣздное небо.

Длинные волосы дѣвушки золотистой-рожей мантией ползли на ея плечи, касались ея колѣнъ.

Дверь открылась; въ комнату вошелъ герцогъ Ивъ, на его шеѣ висѣла корзина, а въ ней шевелились маленькія собаки съ большими выпуклыми глазами, съ широкими и длинными ушами.

Дѣвушка посмотрѣла на де ла Тура; изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, въ его глазахъ вспыхнулъ огонь, красота Клодъ поразила его.

— Итакъ, вы снова прекрасны, моя госпожа Клодъ изъ Севиньона,—произнесъ герцогъ Ивъ.

— Зачѣмъ вы держите меня въ плѣну,—спросила она.—Вы ждете выкупа?

Передніе зубы герцога задолго до того были сломаны во время одной изъ его безславныхъ, позорныхъ дракъ. Играя съ собачками въ корзину, онъ усмѣхнулся, обнаруживъ эти обломки и, продолжая то поглаживать длинное ухо, то перебирать серебристую шерсть красивыхъ животныхъ; но смотрѣлъ Ивъ не на собакъ.

— Вы—красавица,—произнесъ онъ и прибавилъ нѣсколько словъ непригодныхъ для дѣвичьихъ ушей. — Вы спрашиваете чего я жду? Я жду, чтобы эти губы засмѣялись, а въ этихъ глазахъ загорѣлся огонь. Роза, все еще бѣлая роза. Когда роза станетъ красной, вы придете ужинать со мной, мадемуазель.

Клодъ сжала свои слабые пальцы, которые перевѣшивались черезъ ручку кресла.

— Какого выкупа требуете вы? — спросила она.

Онъ отвѣтилъ:

— Когда женщина красива и нравится мнѣ, я не требую выкупа.

— А когда она вамъ не нравится?

Ивъ пересталъ играть съ собачками, посмотрѣлъ на красавицу и засмѣялся противнымъ смѣхомъ.

— Если женщина мнѣ не нравится,—произнесъ онъ, щелкнувъ пальца-

ми,—что же?—Тогда я приказываю ей итти кормить моихъ собакъ.

Щеки Клодъ вспыхнули слабымъ румянцемъ.

— Кормить собакъ? — повторила она;—это неблагородный трудъ!

— Да, а потому задача хороша для гордости гордой дѣвушки,—отвѣтилъ герцогъ смѣясь, онъ повернулся на каблукахъ и направился къ двери.

Когда Ивъ уходилъ, дѣвушка снова услышала звукъ, который уже сталъ знакомъ ей, вой собакъ его свѣтлости, доносившійся издали черезъ длинный каменный корридоръ и отдававшійся подъ сводами потолка.

—

— Она хороша,—сказалъ герцогъ шуту въ этотъ день, сидя за ужиномъ въ залѣ. — Но въ ней нѣтъ жизни, нѣтъ огня. Позаботься, чтобы она перемѣнилась. Смѣши ее. Пой ей, рассказывай ей сказки. Приноси ей самую лучшую пищу, пой самымъ лучшимъ виномъ или сладкими, пряными напитками.

IV.

— Я расскажу вамъ,—сказалъ дѣвушкѣ шутъ,—сказку моего собственнаго сочиненія, мадемуазель.

Онъ покачивался у ея ногъ; его локоть опирался о полъ, подбородокъ, какъ въ чашѣ, лежалъ въ ладони его тонкой руки.

Глаза шута смотрѣли печальнымъ и загадочнымъ взглядомъ.

— Давно, давно, — началъ онъ, — скажемъ, такъ лѣтъ тысячу тому назадъ, жилъ да былъ джентльмэнъ, шотландецъ изъ шотландской гвардіи. Звали его Джонъ Гордонъ...

— Конечно, онъ былъ молодъ? — спросила Клодъ и, кивнувъ головой, прибавила.—А какой онъ былъ на видъ?

Шутъ пожалъ плечами.

— Это женскій вопросъ; какъ мнѣ на него отвѣтить? Да, онъ былъ молодъ, высокъ, силенъ...

— И храбръ?

— Нѣтъ, мадемуазель; онъ былъ такой же, какъ и его товарищи. Но

я опишу вамъ красивое одѣяніе Джона Гордона. Отъ шеи до конца ногъ его облекала блестящая кольчуга; его нагрудникъ и наручники были выложены серебромъ, онъ носилъ колетъ изъ голубого бархата, и за нимъ неотступно слѣдовали его оруженосецъ, его пажъ и кутелье.

Сказка, въ сущности, оказалась совсѣмъ не сказкой; шутъ про то развѣртывалъ отрывки жизни, въ томъ видѣ, какъ она представлялась воображаемому джентльмену изъ войска шотландскихъ лучниковъ, говорилъ онъ о веселыхъ придворныхъ приключеніяхъ, о случаяхъ въ караульной комнатѣ, о маскарадахъ, поединкахъ и пирахъ. Въ его разсказѣ слышалась музыка и звонъ стали. И шотландецъ Гордонъ ни разу не игралъ роли героя. Какъ и сказалъ шутъ, Джонъ Гордонъ не былъ отважнѣе своихъ остальныхъ товарищей. Между тѣмъ, Клодъ, затаивъ дѣханіе слѣдила за судьбой, шотландскаго джентльмена, и ея глаза не отрывались отъ лица разсказчика. Въ концѣ повѣствованія для Джона Гордона наступали недобрые дни; когда однажды, въ беззвѣздную темную ночь, онъ, по приказанію своего короля, ѣхалъ черезъ лѣсъ, его окружили сидѣвшіе въ засадѣ враги, и такъ какъ ихъ численность превосходила количество его спутниковъ, шотландецъ попался въ плѣнъ. Послѣ этого Джонъ Гордонъ исчезъ для своего міра.

— Они его убили? — шопотомъ спросила Клодъ, а шутъ кратко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мадемуазель; Господь не былъ такъ милостивъ къ нему.

Разсказывая эту исторію, шутъ не смотрѣлъ на дѣвушку, теперь же его глаза устремились на ея лицо, замѣтивъ выраженіе ея чертъ, онъ вздрогнулъ; она уже не была безжизненной и безсильной. Ея глаза свѣтились, ея щеки пылали, полураскрытыя губы рдѣли, и на ея шеѣ онъ замѣтилъ быстрое біеніе крови въ жилкѣ. Бѣлая роза стала алой.

Въ этотъ день шутъ принесъ ей вино «романе конти» въ серебряномъ кубкѣ. Вѣроятно, кубокъ былъ переполненъ, потому что, когда шутъ подалъ его плѣнницѣ, вино плеснуло и запятнало ему руку.

— Вы блѣдны, вы утомлены, мадемуазель, — страннымъ, осипшимъ голосомъ проговорилъ онъ. — Выпейте!

Она отказалась, говоря, что у нея нѣтъ жажды, что она не устала, тогда онъ сурово нахмурился; раньше Клодъ ни разу не видѣла его такимъ. Шутъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая насильно приставить кубокъ къ ея губамъ и, сжавъ зубы, прошепталъ:

— Какъ Богъ святъ, вы выпьете!

— Нѣтъ, — произнесла она и оттолкнула руку, которая прижимала кубокъ къ ея губамъ.

Промелькнула секунда, теперь шутъ стоялъ поодаль отъ Клодъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на красное пятно расплывшееся между ними по каменнымъ плитамъ пола, потомъ, пробормотавъ что-то неслышное, можетъ быть, молитву, можетъ быть, проклятіе, дрожащей рукой закрылъ свои глаза и отвернулся. Въ ту же минуту Ивъ де-ла Туръ вошелъ въ комнату, за нимъ бѣжала таявкая маленькая собака.

Герцогъ посмотрѣлъ на дѣвушку, замѣтилъ розовый румянецъ гнѣва на ея щекахъ и гордый поворотъ ея красивой головки. Почти тотчасъ же его глаза обратились на спаньеля, который шумно подлизывалъ расплескавшееся по полу вино.

Герцогъ позвалъ собаку, она подкралась къ его ногамъ странными ползущими движеніями. Ея выпуклые глаза подернулись стеклянистымъ налетомъ; спаньель посмотрѣлъ въ лицо де-ла Тура, упалъ на бокъ и затихъ.

Герцогъ наклонился, поднялъ съ пола пустой кубокъ и понюхалъ оставшіеся въ немъ поддонки. Онъ засмѣялся; отъ такого смѣха въ жилахъ многихъ людей леденѣла кровь.

— Вотъ какъ, господинъ мой шутъ! — сказалъ онъ. — Вы подносите

моимъ гостямъ ядъ? Можетъ быть, еще до утра вы пожалѣете, что сами не выпили отравы. Мадемуазель, мы увидимся съ вами за ужиномъ. А до тѣхъ поръ—прощайте. За мной, шутъ!

Онъ повернулся къ двери, шутъ двинулся за нимъ, но, проходя мимо кресла, на которомъ все еще сидѣла Клодъ, пріостановился такъ близко отъ нея, что коснулся ея колѣнъ. Подъ краской никто не угадалъ бы выраженія его лица.

— Можетъ быть, мы съ вами встрѣтимся на небѣ, мадемуазель, если дѣйствительно Господь прощаетъ такихъ грѣшниковъ, какъ я. А до тѣхъ поръ, прощайте.

Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ея руку и, оставшись одна, Клодъ съ удивленіемъ и страхомъ увидѣла, что на ея колѣняхъ лежалъ стилетъ.

V.

— Значитъ, мы будемъ ужинать вдвоемъ?—спросила Клодъ.

Она окинула взглядомъ комнату, въ которой стоялъ столъ.

Врядъ ли красавица знала, что окружавшія ее вещи были добыты путемъ беззаконныхъ боевъ и грабежей. Пылавшіе по стѣнамъ факелы обливали свѣтомъ дорогія затканныя серебромъ и золотомъ драпировки, тяжелыя рѣзные кресла, стулья и лари. На накрытомъ столѣ мерцали восковыя церковныя свѣчи, вставленныя въ подсвѣчники, украденные съ алтарей. Свѣтовые блики переливались на чеканкѣ металлическихъ чашъ и кубковъ, перелѣтали по гранямъ хрустальныхъ жбановъ и кувшиновъ; осыпанныя драгоценными камнями золотыя и серебряныя украшенія стола сверкали миллионами искръ.

Сама Клодъ, точно обреченная на смерть жертва, была одѣта въ роскошное платье, которое до нея носила убитая женщина. Вся въ серебряной парчѣ и въ жемчугахъ, она казалась самой прекрасной драгоценностью въ этой комнатѣ, полной рѣдкихъ цѣнныхъ вещей. Гордость бли-

стала въ ея глазахъ, ужасъ наполнилъ ея сердце.

— Значитъ мы будемъ ужинать вдвоемъ?

— Почему бы и нѣтъ, красавица?—сказалъ герцогъ и, замѣтивъ, что его кубокъ пустъ, осыпалъ проклятіями прислужника, стоявшаго позади его кресла. — Кого хотите вы призвать сюда?

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть шута?—отвѣтила дѣвушка. — Гдѣ шутъ?

— Шутъ въ цѣпяхъ. Завтра утромъ вы увидите, какъ онъ умретъ.

Она ощутила смертельную слабость.

— За что?—спросила Клодъ.

— За то, что онъ воспротивился моей волѣ. Благоразумный человѣкъ не противится мнѣ... не дѣлаетъ этого и благоразумная женщина. Хорошо будетъ, если вы запомните мои слова.

Клодъ посмотрѣла на Ивъ своими темными глазами, которые горѣли ненавистью, прикрывавшей страхъ. Тѣсная комната, полная запаха вина, цвѣтовъ и пряной пищи душила ее. Клодъ казалось, что кругомъ себя она слышитъ стенанія давно умершихъ мужчинъ и женщинъ, шаги призрачныхъ ногъ, мистическіе шорохи.

— Вы, не кушаете, моя прекрасная бѣлая роза, съ глазами ночи. Если вы не голодны—пейте. Выпейте со мной. Наполни мой кубокъ и прочь! — кинулъ онъ черезъ плечо слугѣ.

— Вы бѣлая роза, — возвращаясь къ прежней темѣ, продолжалъ дѣла Туръ, — а я люблю розы красныя. И все же ваша красота бьетъ въ голову, какъ вино.

Герцогъ схватилъ хрустальную кружку, осушилъ ее и бросилъ въ уголъ, гдѣ она со звономъ разлетѣлась на тысячи кусковъ.

— Это въ честь вашихъ глазъ, — произнесъ Ивъ, внезапно поднялся съ кресла, шагнулъ къ Клодъ и замеръ, глядя на нее широкими глазами. Она тоже поднялась и, гордая, полная отчаянія, стояла въ своемъ роскошномъ нарядѣ, держа въ рукѣ прижатый къ груди стилетъ.

— Бросьте кинжалъ,—сказалъ герцогъ. — Развѣ вы не моя плѣнница? Развѣ я не могу поступать съ вами, какъ хочу?

— Можетъ быть,—отвѣтила она.— Но моя жизнь принадлежитъ мнѣ, и я прерву ее, если вы сдѣлаете ко мнѣ хоть одинъ шагъ.

Въ теченіе долгой секунды дѣвушка и герцогъ смотрѣли другъ на друга черезъ приведенный въ безпорядокъ столъ, онъ сыпалъ такими словами, какихъ Клодъ раньше никогда не слыхала; она молчала, спокойная, полная презрѣнія, но въ душѣ смертельно испуганная.

Внезапно настроеніе Ива измѣнилось. Его страсть погасла, жажда мести замѣнила ее.

— Что же?—съ громкимъ смѣхомъ произнесъ онъ. — Я люблю красную розу. Вы мнѣ не нравитесь. Вы накормите моихъ собакъ.

VI.

Приподнявъ свое серебряное платье, съ тарелкой, полной наръзаннаго на куски мяса въ рукѣ, Клодъ спустилась съ послѣдней ступеньки витой лѣстницы и посмотрѣла вдоль большаго каменнаго корридора. Длинный и узкій, онъ освѣщался единственнымъ факеломъ. На каменныхъ плитахъ пола стояли лужи воды, водяныя капли падали со сводчатаго потолка, воздухъ насыщалъ запахъ сырости и гніенія, въ атмосферѣ ощущалось еще что-то, вызывавшее въ душѣ неопредѣлимый ужасъ.

Дверь, которую искала Клодъ, закрывала тѣнь, она находилась въ отдаленномъ концѣ коридора; свѣтильника дѣвушка съ собой не взяла, такъ какъ герцогъ сказалъ ей, что въ той комнатѣ, гдѣ жили его маленькія собаки, было достаточно свѣтло.

Клодъ шла, безшумно ступая по камнямъ. Открывъ дверь, она замерла на порогѣ...

Комнату наполняла черная темнота; противный запахъ, запахъ острый, невыносимый здѣсь былъ въ тысячу

разъ сильнѣе. И едва Клодъ подняла засовъ, подъ самыми ея ногами послышался такой вой, точно всѣ псы ада вырвались на свободу.

Клодъ вскрикнула, но беззвучно, потому что ея ротъ закрыли. Одна мужская рука охватила ея талію, другая прижалась къ ея губамъ. Кто-то оттащилъ дѣвушку къ ближайшей стѣнѣ темной комнаты.

— Если вы хотите когда-нибудь говорить, теперь молчите, — на ухо ей прошепталъ голосъ шута.

Узнавъ, кто ее держитъ, Клодъ перестала сопротивляться. Внезапно наступило затишье, и она услышала звуки тяжелыхъ шаговъ въ коридорѣ. Дверь отворилась, де-ла Туръ д'Ионъ остановился на порогѣ. Онъ не замѣтилъ шута и дѣвушки, прижимавшихся къ стѣнѣ справа отъ него, и, поднявъ свой факель, шагнулъ впередъ, нагнувшись и заглянулъ внизъ. Клодъ пролѣдила по направленію его взгляда и похолодѣла отъ той картины, которую она увидѣла.

Въ комнатѣ не было пола. Дѣвушка стояла на узкой площадкѣ въ два фута ширины, которая тянулась вдоль круглой стѣны. Дальше сіяла глубокая яма, а на ея днѣ, освѣщенные колеблющимся пламенемъ факела, были «собаки его свѣтлости», красныя пасти открывались, бѣлые зубы лязгали; свѣтящіеся глаза злобно смотрѣли все хъ.

Передъ ней были не маленькія собаки, а волчья яма.

Герцогъ помахалъ своимъ факеломъ, чтобы лучше разсмотрѣть, что дѣлалось внизу и, не увидавъ того, что искалъ, выпрямился. Въ то же мгновеніе шутъ наклонился, минуя дѣвушку, и вырвалъ факель изъ рукъ де-ла Тура. Герцогъ отшатнулся, на мгновеніе взглянулъ въ лица, бывшія такъ близко отъ него, потомъ, шатаясь, потерялъ опору и съ воплемъ, отдавшимся высоко надъ адомъ, бушевавшимъ въ ямѣ, упалъ, отчаянно хватая руками воздухъ, туда, гдѣ его ждали кровавыя пасти и красныя глаза.

VII.

VII.

На зарѣ, на опушкѣ лѣса, Клодь опустилась на землю, прислонивъ голову къ дереву.

— Я зналъ, что я вамъ нуженъ,—
отвѣтилъ онъ, точно эти слова могли
послужить объясненіемъ.

— Ключъ оставался въ замкѣ,— объяснилъ шутъ.—И на одной цѣпи съ нимъ висѣлъ другой ключъ, открывавшій дверь въ тайный проходъ, выдолбленный въ толщѣ скалъ. Покупайте, мадемуазель, намъ нужно пройти еще полъ мили до того монастыря, въ которомъ я оставляю васъ.

— Врядъ ли мы увидимся, мадемуазель.

— Но раньше я пытался лишить васъ ее.—отвѣтилъ онъ.

— По многимъ причинамъ, маде-
муазель.

— Хорошо, одну я скажу,— произнесъ онъ.— Я имѣю дерзость любить васъ, мадемуазель. Мои слова не могутъ принести вамъ вреда, не могутъ и оскорбить васъ.

Съ его губъ сорвалось восклицаніе, но Клодь, казалось, не замѣтила этого.

Шутъ ушелъ, исполнивъ ея желаніе и вернулся къ ней съ непокрытой головой, держа въ рукѣ шутовской колпакъ. Лицо, скрывавшееся подъ краской было еще молодо, хотя около глазъ и рта бывшаго шута лежали морщинки. Коротко стриженные черные волосы спутника Клодь слегка вились. Она пристально посмотрѣла на него и въ воображеніи увидѣла его въ блестящей кольчугѣ, въ нагрудникѣ и въ нарукавникахъ, украшенныхъ серебромъ.

— Вы поѣдете въ Парижъ, — сказала она. — Попросите аудіенціи у короля, и...

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — я слишкомъ долго былъ плѣнникомъ и шумомъ. Мои дни прошли.

Нѣсколько мгновений она молчала. Свѣтъ на небѣ ширился. На востокѣ загорѣлось опаловое сіяніе. Тишину прорѣзали звуки колоколовъ монастыря.

— День снова возвращается,— сказала Клодъ. Она поднялась на ноги, и подошла къ молодому человѣку съ нѣжной улыбкой въ своихъ темныхъ глазахъ.

— Вы спасли мнѣ жизнь,—сказала Клодъ.—Если хотите взять ее,—она ваша. Возьмите же ее, Джонъ Гордонъ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ „МІРА ПРИКЛЮЧЕНІЙ“.

Кое-что о львахъ.

Могучій царь пустыни, левъ, оказываетъ у себя на родинѣ, въ Африкѣ, огромное вліяніе на туземныхъ жителей.

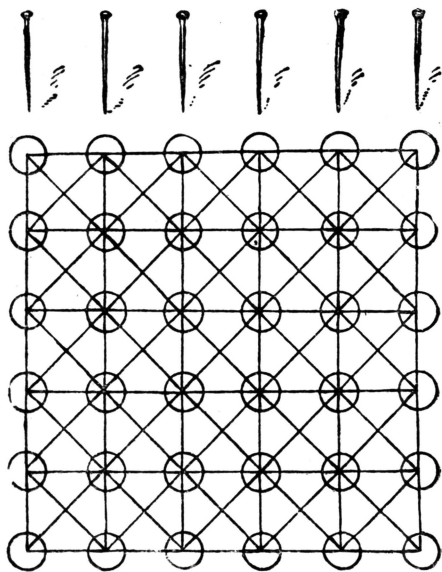
Они считают льва превращеннымъ человѣкомъ, осужденнымъ за какое нибудь преступленіе на пребываніе въ образѣ звѣря. Они вѣрятъ, что нѣкоторые люди могутъ добровольно превращаться во львовъ и что души умершихъ вождей также переселяются въ нихъ и дѣлаютъ ихъ неуязвимыми.

Ливингстонъ рассказываетъ, что однажды онъ убилъ буйвола, а голодный левъ, привлеченный запахомъ, подошелъ къ самымъ палаткамъ каравана и разбудилъ всѣхъ своимъ ревомъ.

РИСУНОКЪ-ЛАБИРИНТЪ.

Весь этот рисунок сдѣланъ однимъ почеркомъ пера и представляетъ собою одну сплошную линію. Найдите ее начало и конецъ.

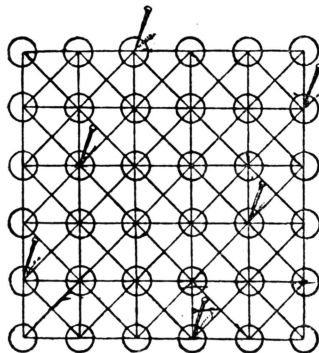

Задача о булавахъ.

На этихъ 36 кружкахъ расположите 6 булавокъ такъ, чтобы ни въ одномъ ряду—ни

Одинъ изъ туземцевъ вышелъ изъ палатки и обратился ко льву съ рѣчью въ надеждѣ, что она заставитъ хищника благоразумно удалиться.

— Ты воображаешь, что ты вождь? Хорошо вождь! Развѣ вождь станетъ шататься ночью вокругъ шатровъ, чтобы украсть буйволового мяса? Неужели тебѣ не стыдно? Развѣ вожди такъ поступаютъ? Ты трусь, а не вождь! У тебя въ груди не царственное сердце, а жалкій камень, вотъ что! Неужели ты самъ не можешь добыть себѣ буйвола?

Рѣшеніе задачи о булавахъ.

Требуемое расположеніе булавокъ

Но голодный левъ, пришедшій поживиться буйволовымъ мясомъ, конечно, нимало не смутился этими упреками и оскорбленіями, и путешественнику ничего болѣе не оставалось какъ прибѣгнуть къ иному способу увѣщанія царя пустыни—его пришлось застрѣлить, чтобы спасти буйволовое мясо и самихъ себя.